

"Моя судьба, моя любовь... (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Елена Тодорова

Моя судьба, моя любовь...

Глава 1

Каир, 2010 год.

Казалось, все в жизни происходит не просто так. И даже, когда случается что-нибудь плохое — это всего лишь звенья цепи нашей жизни. Все происходит последовательно, как и должно быть. За малыми неудачами и бедами обязательно наступает счастливая пора. И хотя в момент, когда случается несчастье, кажется, что жизнь кончена и уже никогда не будет все хорошо, не стоит отчаиваться. Главное верить и ждать!

Меня зовут Кассандра Сомервиль. Мои родители умерли, когда мне было 13 лет. Они попали в автомобильную аварию. Я ждала их у бабушки, но они так и не приехали. Это было тяжелое время в моей жизни. Позже, когда прошла череда похорон и соболезнований родственников и знакомых, я осталась жить с бабушкой. И, когда жизнь уже налаживалась, боль утраты понемногу утихла — судьба подбросила мне новое испытание — бабушка умерла. Случился инфаркт, и врачи не успели её спасти.

Так с 15 лет я жила с тетей. Она теперь была моей единственной родственницей. Жизнь с ней не была радостной или счастливой. Нет. Тетка Белинда была скупой, высокомерной, завистливой особой. Она все время чем-то была недовольна. За всю жизнь тетка так и не вышла замуж, да и каких-либо отношений с противоположным полом тоже не имела.

— Я, Белинда Гастингс, потомственная аристократка не опущусь до отношений с низкородными мужиками, — любила она говорить, когда её кто-нибудь, не дай Бог, спрашивал о личной жизни.

Тетка увлекалась историей, родословной, этикетом и всем, что было связано с высшим светом. Поэтому и меня после окончания школы отправляла учиться на исторический факультет. Я её мнение не совсем разделяла, и мы сошлись на факультете археологии Оксфордского университета. Хотя истории за годы учебы я выучила не мало.

Однако в некоторые моменты своей жизни я была ей благодарна. Всю свою сознательную жизнь я прожила в Англии и теперь, когда мы отправлялись в экспедицию то в Грецию, то в Рим, то в Африку мне было безумно интересно.

Я окончила второй курс университета, и мы отправились на практику в Каир. Я была рада оказаться подальше от злобной тетушки, которую за спиной называла не иначе как Круэла.

Сегодня наши раскопки происходили в одной из гробниц фараона. А точнее, это была гробница фараона Аменхотепа II. Главной нашей целью в этой экспедиции было необычайное зеркало. По приданию оно было сделано в форме солнечного диска. Материалом для его изготовления послужили драгоценные металлы и камни. Говорилось, что оно придавало красоту тому, кто в него хоть раз посмотрит. И имя ему было Солнце полуночи. Фараон Аменхотеп II подарил его своей любимой дочери Анхесенамон. Многие охотились за ним, но никто его так и не видел. Принцесса прятала его, и захоронено оно было вместе с ней.

В гробнице было очень душно, и не смотря на то, что на мне были только короткие шорты цвета хаки и черный топ, я изнывала от жары. Я остановилась, перекинула свою длинную косу за плечи и стала разглядывать рисунки на стене гробницы. Они были разгадкой всех тайн.

В поисках зеркала мы находили много других вещей, которые тоже были весьма ценны для музея нашего университета. Но всё же мы мечтали о другом.

Эту экспедицию возглавлял профессор Таррел. В команду экспедиции входили только самые лучшие студенты. И я, честно говоря, гордилась тем, что причислялась к ним.

Подходил к концу второй день экспедиции, а Солнце полноточа мы так и не нашли.

Уставшие и немного расстроенные мы шли к месту, где должны были разбить лагерь. У каждого за плечами был рюкзак с личными вещами.

— Сегодня я хочу показать вам необычное место, — говорил профессор Таррел. После раскопок он проводил не большую экскурсию по местным достопримечательностям. — В Каире есть место, где вещь пропадает и никогда больше не появляется вновь.

Честно говоря, после долгого изнурительного дня раскопок это не особо интересовало. Все, что хотелось — это побыстрее помыться, перекусить и спать.

— Это ущелье называют Потерянным, Исчезнувшим. История и люди доказывают, что те, кто по неосторожности падали вниз ущелья — он соответственно указал рукой ко дну ущелья, — больше никогда не возвращались. Каждый из вас может что-нибудь бросить сюда, а потом мы спустимся к подножью горы и, вы убедитесь, что ничего не найдете.

Это было абсурдно. И я едва удержалась от того, чтобы ехидно фыркнуть. В экспедицию брали только самое необходимое и, естественно, что предмета, с которым можно здесь расстаться ни у кого просто не было. Все молча, стояли и взирали на профессора.

Но профессор Таррел был фанатом своего дела, поэтому он достал со своего рюкзака книгу и бросил её в ущелье. Все с интересом начали подходить к краю обрыва, чтобы посмотреть падение книги. Я стояла впереди группы и поэтому волной студентов невольно тоже приблизилась к ущелью. Мы стояли на краю и всматривались в бездну, но ни книги, ни дна ущелья не было видно.

— А сейчас, мы спустимся вниз и там продолжим осмотр.

Потихоньку группа начала отступать, но вдруг я почувствовала толчок в спину и, начала терять равновесие. Мои ноги соскальзывали с края обрыва, и я стремительно падала вниз. Кто-то кричал, кто-то пытался схватить меня за руку, но всё происходило слишком быстро, и в следующее мгновение, я уже была в воздухе.

Когда взволнованных лиц уже не было видно, а слышались лишь их крики, я почувствовала дикую боль во всем теле. Меня как будто разрывало на части, но больше всего болела голова. Хотелось закричать, но вырывалось лишь тихое шипение.

Потом всё как будто замерло, остановилось. Я перестала падать, повисла в воздухе, боль усилилась и я потеряла сознание.

Глава 2

Каир, 1815 год.

Я очнулась в сыром и темном месте. Сначала пыталась понять, жива ли я ещё. Достаточно сильно ущипнула себя за руку, и поняла — жива. Это уже хорошо. Но где я? Стала шарить

руками вокруг себя — мои руки натыкались на различные предметы. Я достала из рюкзака зажигалку и осмотрелась. Первое что я увидела, была книга профессора Таррела. Машинально прочла название — «История Англии». Странный все-таки профессор.

Здесь так же были: большой фонарик, пара письменных ручек, шампунь, блокнот, записная книжка, фломастеры, кепка, очки и ещё много других предметов. Я встала и зачем-то взяла книгу профессора, положила в рюкзак. Отдам ему, как только найду группу, думала я. Просветив дорогу, я поняла, что нахожусь в пещере. Но как такое может быть? Как при падении в ущелье я могла здесь оказаться?

Я достала свой мобильный из рюкзака, хотела позвонить, но связи не было. Следовательно, нужно было самой искать выход из пещеры.

Когда я наконец-то вышла на свежий воздух, взяла опять телефон, но сеть по-прежнему отсутствовала. Тогда я достала компас и стала двигаться в сторону севера, где должен был располагаться наш лагерь.

Почему-то здесь было больше растительности, чем я запомнила. Выйдя из очередной рощицы, я неожиданно столкнулась лицом к лицу с табуном лошадей, на которых сидели люди. Кони мчались прямо на меня, а всадники их не останавливали. В последний момент мне удалось отскочить назад в рощу и табун, пронеся мимо меня.

В следующий раз я выходила более осторожно. Я шла по компасу и через время с удивлением отметила, что приближаюсь к городу. Как такое может быть? Вчера на этом месте была пустыня. Вдруг мои мысли прервал ужасный грохот. Я обернулась и увидела, что по дороге к городу едет какая-то странная повозка. Точнее, это походило на карету XVIII-XIX века. Меня это ошарашило даже больше, чем табун лошадей. Я стояла, не в силах пошевелиться, пока возница не затормозил возле меня. Он так же удивленно, даже испуганно смотрел на меня. Двери странного экипажа открылись, и в дверях показалась мужская голова.

— Что там Рашид? — спросил мужчина.

— Леди, сэр, — ответил возница.

Мужчина тот час же спрыгнул с коляски и двинулся ко мне, когда он, наконец, увидел, то испугано вскрикнул и замер. Я забеспокоилась. Может я испачкалась, и плохо выгляжу? До этого момента, все свои двадцать лет, я только и, слушала, что обладаю неземной красотой, и такая реакция мужчин для меня была в новинку. Я стала себя осматривать, но так ничего необычного и не обнаружила. В это время мужчина пришел в себя и обратился ко мне на чистом английском.

— Что с вами, мисс? На вас напали? Ограбили? — спрашивал он.

Я молчала, не зная, что сказать. Костюм у него был более чем странный. У меня создавалось впечатление, что я смотрю какой-то старинный фильм.

Вдруг из кареты показалась женская голова:

— Чарльз, ну что там?

— Элизабет, тут девушка. Ей нужна помощь, — ответил мужчина.

Потом он обратился ко мне:

— Я, Чарльз Эмильтон. А это моя жена Элизабет Эмильтон. Мы могли бы вас подвезти. Где вы живете? У вас есть родственники?

— Спасибо, — наконец сказала я. — У вас здесь где-то спрятан новенький BMW или мы поедем на этом? — пошутила я.

— BMW? — по тому, как мужчина повторил эти три буквы, создавалось впечатление, что он не знает марку самого популярного автомобиля в мире.

— Вы не могли бы одолжить мне свой телефон? А-то мой не работает, — спросила я.

Он опять смотрел, на меня, глупо хмурясь.

— Ну что ж поехали, — сказала я, не имея выбора.

Всё же лучше чем идти пешком. Доберусь до города, а там будет проще.

Чарльз учтиво повернулся спиной, пока я в своих шортах залазила в эту невыносимую карету. Надо же какой джентльмен.

Затем он заглянул к Элизабет и сказал:

— Дорогая, одолжи девушке что-нибудь из одежды.

— Но зачем? Мне ничего не нужно, — удивилась я. Но потом подумала, Каир конечно не предсказуемый город и лучше перестраховаться и одеть что-то поприличней для поездки в город.

Элизабет начала что-то искать в небольшом саквояже. В это время я обратила внимание на её платье. Ужас. Это было платье XIX века. В силу своей профессии ошибаться я не могла. Что здесь происходит?

Но по-настоящему я запаниковала, когда она вручила мне такое же нелепое платье. И самое главное оно выглядело как новое. Может здесь фильм, какой снимают.

— Вы актриса, — спросила я.

На лице женщины запылали два ярких пятна, и она возмущенно запищала:

— Нет. С чего вы взяли?

— Э... э... я подумала раз у вас с собой платье... Извините меня.

И чего так сердится, обычно они наоборот так и ждут, пока их заметят. Я имею в виду актрисы.

Я глупо засмеялась и спросила шутки ради:

— А какой сейчас год?

Женщину испугал не, сколько мой вопрос, сколько смех.

— Бедняжка, что с вами сделали, — она явно подобрела. — Ах, неужели вы потеряли память? — она помогала мне надеть нелепое платье. Затем растягивая слова, произнесла: — Сейчас январь 1815 года после рождества Христова.

Я замерла ошарашено.

— Вы шутите? — я смотрела на неё и ждала, пока она рассмеётся и кивнет. Но она была серьёзна.

— Нет-нет, детка. Так и есть.

Она, наверное, думает, что я потеряла память, и я решила этим воспользоваться:

— Где мы? Что это за город?

— Египет, Каир. Мой муж военный. Мы здесь уже 19 лет с тех самых пор как его направили сюда на службу. Сами мы из Англии. А у вас есть родня?

— Я сирота, — машинально ответила я.

— Но, что случилось? Вы что-нибудь помните? — спросила Элизабет взволновано.

— Я упала в реку, когда шла из деревни. Чудом спаслась и нашла эту странную одежду на берегу.

Я замерла, ожидая, поверит ли она мне. Женщина смотрела на меня с минуту, затем кивнула головой в знак согласия.

— Память возвращается к вам? Как вас зовут? — спросила она.

— Кассандра. Больше я ничего не помню.

Я уже была полностью одета в её наряд, поэтому женщина позвала мужа. Карета тронулась, и мы поехали в город. Скорость езды была просто убийственно медленной, да и бросало из стороны в сторону. Никакой тебе амортизации и удобств. Хотя Эмильтоны казалось, чувствовали себя отлично, и с удивлением смотрели на то, как меня бросало из стороны в сторону, и я пыталась усидеть на месте.

— Куда вас отвезти Кассандра? — спросила Элизабет.

— Отвезите меня на вокзал, а там я решу, что делать.

В который раз Элизабет испуганно вскрикнула и прижала ладошку к губам.

— О, нет-нет. Вы что? Молодая леди одна в Каире? Ни за что. Поживете у нас, пока память к вам полностью не вернется, — возразила она.

— Но почему вы вообще считаете, что я леди? — спросила я вконец раздраженная.

— О, ну я же вам говорила, что мы из Англии. Там мы носим титул барона и баронессы Хогвард. Отличить леди от простой девушки не сложно. Это просто элементарно. Внешность, манера держаться, разговор. Я права?

— Конечно, мадам, — ответила я, чтобы прекратить данный спор.

Ну, и жарко в этом наряде.

Барон ехал, молча поглощенный своими джентльменскими мыслями. Его жена говорила без

умолка. Я старалась помалчивать, чтобы не сболтнуть лишнего.

Глава 3

Весь город как будто возник из прошлого. Старинные дома, дорога, улицы, люди одеты в одежду, давно вышедшую из моды. Неужели это правда? Такое может быть? И я в прошлом?

Приехав в дом баронов, как я их называла, первое, что я сделала — начала исследовать дом. О, не подумайте, что при них. Нет, бароны отправились в библиотеку, что-то обсуждать. И боюсь, что я была предметом разговора.

Так, вот в доме была мебель XVIII века, никаких телефонов, телевизора. Даже радиоприемника не было. Но самое главное, газеты, найденные мной, в гостиной были датированы 1815 годом. В этот момент я действительно поверила, что оказалась в прошлом. А точнее в XIX веке.

Что делать я не знала, но вспоминая слова профессора, пришла к заключению, что здесь должны быть ещё такие же затерянные, как и я. Но как их искать? Об том же не будешь кричать на каждом углу. И потом, может они уже вернулись?

Я решила выключить телефон. Не потому что я боялась, что он внезапно зазвонит и бароны испугаются. Нет. Я не такая наивная. Просто нужно было беречь заряд аккумулятора.

Меня поселили в уютной комнате, с довольно удобной кроватью. Также вечером на купание мне присылалась горничная, но я от неё отказывалась. Не хотелось её шокировать, когда я доставала из рюкзака, который прятала в шкафу свой шампунь и мыло, и прочие туалетные принадлежности. Радовало хоть то, что они были у меня с собой. Но пользовалась я ими с необычайной экономностью. Все-таки неизвестно, сколько мне ещё предстояло здесь быть. Надеюсь, я, конечно, что не долго.

Так прошла неделя. Жить с баронами было легко, и порой даже весело. Они были приятными людьми и нравились мне. Но все же я была удивлена, когда они как-то после ужина обратились ко мне:

— Кассандра, — начал Чарльз, — как ты знаешь, у нас нет собственных детей. За время, что ты провела у нас, ты нам понравилась. У тебя живой характер, ты не унываешь и проявляешь доброту. И мы бы хотели предложить тебе жить у нас постоянно. Так как у тебя нет своей семьи.

Они оба засмутились, но с надеждой взирали на меня.

— Через неделю мы уезжаем в Англию, навсегда. Так как пришло письмо, в котором говорится, что отец Чарльза умер и теперь он обязан выполнить свой долг — принять титул маркиза Шепердстоуна. И..., - леди Элизабет замялась, — мы бы хотели выдать тебя как свою дочь. Никто ведь в Англии не знает, что детей у нас нет. Дело в том, что уезжая из Англии, я была беременна но ребёнок родился мертвый. Сколько тебе лет?

— Двадцать, — машинально ответила я.

— Но выглядишь ты моложе. Нашей дочери должно было быть 18. И если ты согласишься, мы подготовим все соответствующие документы. Подумай об этом.

После этого разговора, я действительно много размышляла. Я не знала, как вернуться домой. Но в тоже время я боялась остаться одна, а к баронам я уже привыкла.

Ответ пришел неожиданно. Как-то мы с Элизабет были у модистки, где она заказала мне платье. Мода девятнадцатого века не особо привлекала меня, а потому шопинг не приносил должного удовольствия.

— Кэсси, дорогая, какое платье лучше голубое или розовое? — спросила Элизабет.

— От Гаравани. А лучше уж сразу Армани, — угрюмо пробормотала я, не сдержавшись.

Тут дама, стоявшая рядом с нами, дернулась и уставилась на меня. Элизабет же привыкшая к моим неосторожным замечаниям продолжала:

— Думаю голубое тебе больше подойдет...

Незнакомка смотрела мне в глаза, и мне казалось, что она видит меня насквозь. Неужели, она что-то поняла? Ну как с ней заговорить об этом? Пока я размышляла женщина ушла, а я осталась дальше теряться в загадках.

Но через два дня, когда Чарльза и Элизабет не было дома, незнакомка сама пришла.

Горничная провела её ко мне в гостиную, и я могла её рассмотреть. Молодая, симпатичная блондинка. Одета опрятно и держится, как положено леди. Не то, что я, то что-то выпрятолось, то волосы растрепались, то просто хочется задрать эти бесконечные юбки и сбежать по лестнице вниз.

— Добрый день, — начала она. — Меня зовут Эллис Фортейн.

— Очень приятно. Кассандра, — ответила я.

— Вы из будущего? — вдруг спросила она. И хотя я ожидала этого вопроса, я все равно испугано подскочила.

— Да, а вы?

— Я из 2002, Австрия. В Каире отдыхала, когда попала в ущелье.

— Выходит вы здесь давно? — спросила я.

— Да, 10 лет. Но это считается не по нашим годам. Я попала в 1805 год. А вы недавно здесь?

— Две недели. Но как вернуться обратно? Почему вы всё ещё здесь? — в отчаянии спрашивала я.

Она устало вздохнула и сказала:

— Все мы попадаем сюда не просто так. Ущелье само выбирает нас. Мы приходим с определенной целью, и только выполнив ее, можем вернуться назад.

— Цель? Какая у вас цель? — мысли лихорадочно вертелись у меня в голове.

— Но некоторым из нас суждено остаться здесь, — продолжала она. — Я одна из них. Я вышла замуж, родила сына. Это моя судьба — остаться здесь.

— Но откуда вы это знаете? — почти кричала я в отчаянии.

— Когда я только перенеслась сюда... Кстати я была не одна. Со мной была подруга. Нас нашла одна женщина. Она знала многих, затерянных во времени, таких же, как мы. Она объяснила все нам. Сейчас её уже нет в живых, и я заменяю её.

— А где ваша подруга?

— Она вернулась сем лет назад. Реджина выполнила свою миссию.

— Но как узнать об этой миссии? — отчаянно спрашивала я.

— Ты сама поймешь, какая у тебя миссия. Рано или поздно поймешь, — она ласково улыбнулась мне. Это было так невероятно, что я даже забеспокоилась, что она сейчас исчезнет.

— Но я хочу сейчас исполнить эту чертову миссию, и вернуться обратно. Кстати, а возвращаться так же больно?

— Не знаю. Но тебе придется подождать, пока ты поймешь свою цель. Миссия моей подруги, например, была участвовать в археологических раскопках.

— Археологических раскопках? Какие раскопки в 1805 году? Но истории говорят, что археологи начали работать в Египте только с 1828 года, — доказывала я.

— Нет, история не всегда права. Поверь. Реджина участвовала в раскопках и как только её группа нашла Солнце полуночи, она вернулась.

— Постойте-постойте, Солнце полуночи? — моему удивлению не было предела.

— Да, это... — начала объяснять Эллис.

— Я знаю, что это. Но разве оно уже найдено? — осторожно спросила я.

— Да, в 1808 году его нашли. А что?

— Просто в 2010 году его все ещё ищут. А зеркало, оказывается, нашли ещё двести лет назад, — задумчиво сказала я.

— Да и такое случается, — Эллис была совершенно беззаботной. Её совсем не волновало то, что она навсегда осталась вдали от настоящей цивилизации. Но я на такие жертвы не согласна. Я выполню эту цель.

— Но как ты узнала, что твоя миссия жить здесь?

— Я полюбила, — мечтательно сказала Эллис. — А вообще для выполнения миссии не обязательно быть здесь. Твоя миссия может быть где угодно. Даже в Японии.

— Древняя Япония? Этого мне ещё не хватало. Столкнутся с бандой диких самураев.

— Просто слушай свое сердце, — ответила Эллис.

Вот в это момент я решила стать дочерью баронов. Или маркизов, кто они там теперь? Не важно. И быть с ними до определения своей миссии. Почему-то мне казалось, что моя цель будет в Англии.

Глава 4

Как оказалось, даже в XIX веке можно было изготовить поддельные документы. Под покровом ночи Чарльз отправился к некому мастеру и вернулся под утро уже с готовым свидетельством о моем рождении.

Когда я взглянула на данный документ, то испытала какой-то внутренний трепет. Странно было видеть дату рождения — 1 января 1797 года. Но в следующее мгновение мое внимание привлекло имя.

— Кассандра Вильгельмина Эмильтон? — прочла я сконфужено. — Фу! Вильгельмина... Вам не кажется, что звучит старомодно?

— Но так звали мою мать, — запротестовал Чарльз. — И в аристократических семьях принято давать детям имена родителей или имена дедушек и бабушек.

По выражению лица Элизабет было видно, что она тоже не в восторге от моего второго имени. Но она молчала.

— Тогда я должна быть довольна, что меня не назвали в честь покойного маркиза, — не сдержалась я.

Глаза Чарльза полезли на лоб, а Элизабет сдавлено закашлялась.

Господи, и зачем им такая дочь как я. Мне стало стыдно.

— Простите меня. Но по возможности ведь можно не всегда называть второе имя?

Их лица просветлели. Чарльз с Элизабет как всегда были великодушны к моему не сдержанному языку.

— Конечно, детка, — я улыбнулась. — Мы будем его называть только при официальном знакомстве.

Да, недолго радовалась. Как мне представлялось, официальное знакомство у аристократов происходит каждый день.

Чарльз отправился по делам, а мы с Элизабет остались дома, готовятся к отплытию.

— Нам ещё столько всего нужно успеть сделать, — щебетала баронесса. — Тех платьев, что мы здесь купили, до Англии тебе хватит, но как только мы прибудем домой, сразу же отправимся в Лондон к самой лучшей модистке и закажем тебе все необходимое для первого сезона.

— Первого сезона? Что это значит?

— Кэсси, тебе восемнадцать и в Англии в таком возрасте девушку выводят в свет, — пояснила Элизабет.

Я, конечно, знала, что такое первый сезон. Но я не предполагала, что Эмильтоны додумаются меня отправить в Лондон. И к тому же мне было двадцать и я здесь просто старая дева. Но я благоразумно молчала об этом.

— К началу сезона нужно всё подготовить. Кстати, ты умеешь танцевать? — было видно, что мысль о моих танцевальных способностях только сейчас пришла ей в голову, и она

забеспокоилась.

Мне хотелось ответить утвердительно и перечислить все то, что я умела: стрип-пластика, танец живота, латиноамериканские танцы. Но Элизабет была и так взволнована.

— Нет, не умею.

— Господи! Как же мы успеем. Ведь нужно изучить столько танцев. Да и этикет тебе не мешает повторить, — она обращалась скорее сама к себе. — Этикет мы сможем изучать по дороге в Англию. А вот уроки танцев ты сможешь получить, только когда мы прибудем в Девоншир.

— Куда?

Элизабет назвала место, где я родилась и выросла.

— Девоншир. Там находится наше родовое поместье Эмильтон-Хаус.

Мне почему-то показалось это хорошим знаком.

— Сколько времени займет путь в Англию? — спросила я.

— Около двух месяцев, — Элизабет видимо это нисколько не волновало.

— Сколько? Но что можно делать два месяца в открытом море? Это будет настоящее испытание, — сокрушалась я.

— Испытание? Кэсси, тебе следует поучиться терпению, — ласково ответила Элизабет.

Она уже выходила из комнаты, хотя точнее будет сказать — выплыла, но вдруг обернулась.

— И вот ещё. В Англии нам бы хотелось, Кассандра, чтобы ты звала нас мамой и папой, — она была смущена, но, похоже, осталась довольна собой.

Я кивнула. И хотя понимала что это необходимо, не знала, как осмелюсь на такой шаг.

Я сидела на диване, чинно сложив руки на коленях, в то время как мне отчаянно хотелось расслаблено облокотиться на спинку и вольно раскинуть руки. Но это было не позволительно, как в принципе все, что я делала.

Вчера мне пришлось пробраться в спальню Чарльза и утащить его бритву, так как пользоваться электрическим эпилятором мне не предоставлялось возможности. Ради гладкой кожи пришлось поступиться своими моральными принципами и принципами гигиены.

Через два дня мы должны были отплыть, и слуги уже усиленно собирали вещи. Мне нужно было проследить, чтобы моя горничная Наур не наткнулась на рюкзак.

Эллис дала мне свой адрес, и мы договорились, переписывается. Мне было спокойно с ней, не нужно было притворяться. Хотя, Чарльз с Элизабет тоже на многие мои выходки смотрели сквозь пальцы. Неужели им до такой степени хотелось ребёнка? Что будет с ними, когда я вернусь в 2010 год? Вдруг им будет тяжело пережить мое исчезновение? Мне бы не хотелось причинить им боль.

Глава 5

Англия, 1815 год.

Я стояла на палубе корабля, крепко вцепившись руками в поручни. Глаза напряженно всматривались вдаль. Сердце отчаянно забилося в груди, на глазах проступили слёзы. Англия!!!

И хотя я знала, что это другое время, у меня было такое чувство, что я после длительного путешествия возвращалась домой. Я с трепетом смотрела на виднейший впереди зелёный берег. Мне хотелось прыгнуть за борт и плыть к острову.

К тому же, после долгого двухмесячного пребывания на корабле, я хотела почувствовать твердость земли под ногами. Эти месяцы тянулись для меня бесконечно. Хотя, казалось, я не имела свободной минуты. Так как всё время была вовлечена в изучение правил этикета, значение титулов и обучение хороших манер.

У меня не хватало терпения вести скучнейший монотонный разговор о погоде. Мне хотелось более живого общения. И единственным приятным времяпрепровождением на корабле, для меня стало, время трапезы за капитанским столом.

Здесь иногда джентльмены, не сдержавшись, обсуждали политику, историю, путешествия.

Я тоже участвовала в их разговоре, как многие дамы здесь. Но в отличие от остальных мне нужно быть осторожной. Так как раз я, увлекшись, сболтнула лишнего.

— Вы слышали? Наполеон бежал с Эльбы? — спросил мистер Найтли.

В моем мозгу моментально сработали числовой и исторический механизмы.

— Но это случилось 26 февраля. Неделю назад Наполеон вступил в Париж, — выпалила я.

Все удивлено уставились на меня.

— Но откуда вы это знаете? — спросил капитан Тибелз.

Я лихорадочно думала, что можно сказать.

— Слышала сегодня утром, когда прогуливалась на палубе, — наконец, не очень оригинально, соврала я.

После этого я старалась не участвовать в политических обсуждениях.

Едва мы прибыли в порт, палубу заполнили нетерпеливые пассажиры. Элизабет с Чарльзом тоже вышли. Хотя все время путешествия предпочитали сидеть в каюте.

— Кэсси, дорогая, тебе не холодно? — с беспокойством спросила Элизабет. Теперь, я решила, их считать маркизами. Собственно они ими и являлись. Хотя для меня титулы были пустым звуком. Чтобы быть хорошим человеком не обязательно быть аристократом. В этом я убедилась на корабле.

Я поежилась. Апрель в Англии был необычайно холодным. Сейчас, я почти не возражала против многочисленных юбок, корсета и теплого плаща.

— Все в порядке, — ответила я бодро. — Мне не терпится ступить на берег.

Чарльз по-доброму засмеялся.

— Думаю, скоро твое желание исполнится, — он засмеялся громче.

Конечно, он имел в виду мои нервные стенания во время долгого путешествия. Я изводила их изо дня в день. Уж и не знаю, откуда у этих людей столько терпения.

Когда, мы оказались в шумном, полном людей порту, я отчаянно молилась, дабы мне больше не пришлось пересекать океан.

На пристани нас ждала карета с гербовым знаком маркиза Шепердстоуна. По сравнению с экипажем в Каире, она была просто роскошной. Бордового цвета, снаружи отполирована до блеска. Предупредительный лакей открыл нам дверь, и я убедилась, что внутри ещё краше. Мягкая белая обивка, инструктирована золотом. И ехать в этом экипаже было комфортней.

Ну не обольщайтесь, что я привыкаю. Это после путешествия я такая добрая.

Однако, через 8 часов пути, я уже была не так благосклонна. Теперь мне казалось, что меня подбрасывает на каждой ухабине. Несмотря на холодную погоду за окном мне было жарко и душно. Тело покрылось потом от напряжения. И как маркизы могут спать в это время?

Наконец, мы свернули на подъездную аллею Эмильтон-Хауса, и я с облегчением вздохнула.

Когда карета остановилась я сидела, сжав руки в кулаки. Где этот лакей? Мне не терпелось выйти на свежий воздух, но открыть дверь самой было не позволительным. Это я усвоила.

Чарльз все же не дождался и сам вышел из кареты. Потом помог нам с Элизабет.

Когда я увидела поместье Эмильтонов, я замерла от восхищения. Дом величественно стоял в центре участка. Это было большое трехэтажное здание, выполненное из серого камня, местами обвитое ветками дикого плюща. Вокруг дома располагались всевозможные клумбы и газоны. Начинили цвести первые цветы. Деревья густо покрытые листвой сочного зеленого цвета. А воздух был таким свежим, ароматным, что первое время было больно дышать.

Чарльз с Элизабет, так же как и я наслаждались этим видением, когда парадная дверь открылась и к нам на встречу поспешили лакеи.

Чинно кланяясь, они приветствовали нас дома.

Мы вошли в дом. В фойе нас ожидали более двух дюжин слуг. Во главе стоял мужчина, высокомерно задрал нос.

— Добро пожаловать домой, милорд, — проговорил он, чересчур торжественно. Потом менее помпезно добавил: — Маркиза, рад вас видеть. — И наконец, его взгляд скользнул ко мне: — Мисс.

Я машинально показала ручку в знак приветствия, но, слава Богу, маркизы этого не заметили. Зато мужчина был ошарашен, но быстро справился со своими эмоциями.

— Спасибо, Гастингс, — сказал Чарльз, и я широко распахнула глаза от удивления. — Так приятно оказаться снова дома.

Гастингс? Не он ли предок моей тетушки? Как я понимала, он был дворецким. Ага, вот и знакомый нос с горбинкой. По выражению тетушки — орлиный нос аристократов. Ох уж и

старая лиса. Аристократка, блин!

Тем временем Гастингс словно прочел мои мысли и скользнул по мне неодобрительным взглядом. Хотелось показать ему язык, но я сдержалась, лишь улыбнулась. Его лицо снова приняло невозмутимое выражение.

Он подал знак, едва заметно кивнув головой и слуги кланяясь, разошлись. Ну и дисциплина.

Я решила пройтись по дому. Ознакомится. Внутри дом был светлым и уютным. Полы были начищены до блеска, канделябры сверкали, отбрасывая разноцветные блики на белоснежные стены.

Скажу честно, данная обстановка была роскошью даже в моем времени. Поэтому в первый раз после моего появления в 1815, я почувствовала себя королевой.

Я бродила по дому, забыв об усталости. Все было как в сказке. Очень впечатлил огромный бальный зал, где, казалось, можно было вместить все население графства. Шаги эхом отзывались, когда я ступала по начищенному до блеска паркету.

Но особенно мне понравилась моя спальня. Она была решена в бежево-сливочных и зеленоватых тонах. Потолок, если присмотреться был тонирован очень светлыми, сильно разбавленными оттенками этих цветов. Стены обтянуты шелком приглушенно-зеленого цвета. По центру стояла большая двуспальная кровать. На полу был застлан толстый персидский ковер.

Уставшая, испытав за день столько эмоций, я уснула, как только моя голова коснулась подушки. Засыпая, я блаженно улыбалась.

Глава 6

Жизнь в Эмильтон-Хаус завертелась с огромной скоростью. Элизабет посчитала, что я вполне освоила правила этикета и эти ужасные занятия прекратились. Зато на третий день моего пребывания в графстве приехал учитель танцев. Это был пожилой старик со сдержанными безукоризненными манерами. Он терпеливо сносил, когда я наступала ему на ноги или ошибалась в движениях. Надо сказать это было довольно часто. В принципе сами движения я воспринимала быстро, так как имела чувство ритма и гибкое тело. Но никак не могла запомнить, что за чем. Но главной моей проблемой, как говорил мистер Томпсон, была поспешность. Я привыкла к быстрым танцам и как не старалась, в конце концов, получалось так, что я волочила бедного старика по танцевальному залу. Да-да, я вела. После таких па он был обычно смущен и раздосадован, но никогда не повышал голос на меня.

Вторым важным мероприятием в моей жизни были бесконечные примерки. Модистка по имени Гвен Алигратти лично приезжала из Лондона. Я часами стояла на возвышении, пока меня измеряли, одевали, кололи булавками. Сейчас у меня было столько нарядов, что они едва помещались в шкафах. И надо сказать лондонская мода мне понравилась. Приятно было носить яркие насыщенные шелковые и парчовые платья. Огорчало только нижнее белье. Было неудобно. А пары трусиков из XXI века, надолго не хватит.

Как-то раз Чарльз решил, что мне просто необходимо постичь верховую езду. Я возле лошадей никогда и близко не стояла. И я испытывала дикий страх, когда конюх пытался втиснуть меня на черного коня. Жеребца приобрели специально для меня. Самое странное у него не было имени. Я назвала его мистер Дарси. Как мне казалось, у него был буйный темперамент.

Поначалу, я трусила на лошади за Чарльзом, борясь со страхом. Наверное, я выглядела не очень грациозно. Но после недели тренировок я поняла, что конь ничего плохого мне не сделает. Более того, верховая езда начинала мне нравиться. И почему я никогда не пробовала учиться в XXI веке? Вот вернусь и наверстаю.

Сегодня я проснулась довольно рано. Быстро облачилась в одно из любимых утренних платьев. Оно было насыщенного голубого цвета. Фасон выгодно подчеркивал талию и выделял грудь. Я собрала волосы в конский хвост и спустилась в малую столовую. Здесь мы обычно завтракали.

Еда в этом столетии меня приятно удивила. Блюда были изысканы и разнообразны.

Наскоро позавтракав, я решила прогуляться к озеру. В первый раз я достала из рюкзака MP3-плеер и, отойдя от дома, вставила наушники в уши. Заиграла песня группы Linkin Park. Экстравагантно, не правда ли для XIX века?

Я медленно брела по широкому лугу, восхищаясь красотой природы и тихонько подпевала.

Возле озера был легкий влажный ветерок. Глубоко дыша, я стала, раскинув руки в стороны. Хотелось кричать от восторга.

Так я простояла не меньше получаса. Потом решив побережь аккумулятор плеера, сняла наушники и присела на бревно в тени деревьев. Почему-то после этого мне стало грустно. В полной мере ощущалось, что я уже три месяца нахожусь в прошлом. А миссия мною так и не осознана.

Вдруг мои мысли нарушил мужской смех и обрывок разговора:

— Графиня Ленгдон та ещё штучка, — голос незнакомца был необычайно приятным с хрипотцой, как ласкающий ветерок в знойный день.

— И все же ты порвал с графиней, — насмешливо возразил ему другой мужчина.

— Ах, Бенедикт, ты же знаешь, одна женщина не привлекает меня больше чем на одну ночь, — ответил соблазнительный голос.

Мне безумно захотелось увидеть его обладателя.

— Ну, когда-то же нужно остепениться, Кен. Скажу тебе, что после женитьбы я понял, что с одной девушкой можно проводит время каждый день, — говорил, как я поняла Бенедикт.

— Женитьба не для меня. Я не вынесу в своей спальне постоянного присутствия женщины, — со смехом ответил незнакомец.

И вдруг в этот момент двое мужчин вышли из-за деревьев и возникли прямо передо мной. Я нерешительно встала и уставилась на того который был ближе ко мне. Я увидела самого интересного и самого прекрасного мужчину. Он в упор посмотрел мне в глаза. От цвета этих глаз у меня замерло сердце. Они вобрали в себя всю синеву неба и бездонную зелень моря. Чувственные губы изогнулись в кривоватой улыбке.

— Прошу прощения, мисс. Но разве вам никто никогда не говорил, что подслушивать не прилично, — насмешливо поинтересовался он.

Я быстро пришла в себя, только сейчас осознав смысл разговора мужчин. Передо мной был

самый настоящий английский повеса, о которых, я только в книгах читала.

— Извините, сэр, — уверенно сказала я. — но вы слишком громко предавались воспоминаниям и фантазиям. Трудно было не услышать.

Он был поражен моими словами, но быстро скрыл это.

Другой мужчина громко засмеялся. И это немного отвлекло меня от изучающе-жаркого взгляда незнакомца.

— Позвольте представиться, мисс. Бенедикт Коннели. А это мой добрый друг Кеннет Уортингерн, — сказал он.

Значит Кеннет. Как же добрый.

— Кассандра Эмильтон, — представилась я.

— Рад знакомству, мисс Эмильтон, — заговорил снова Кеннет. — Вы неподалеку живете? Как я понимаю в Эмильтон-Хаус?

— Да.

Я не хотела с ним разговаривать. Нужно было срочно сбежать.

— Не хотите ли прогуляться, мисс Эмильтон, — предложил Кен.

Вот паразит. И ведь знает, что молодая леди не может находиться наедине с мужчиной. Исключения делались только родственникам.

— Простите, сэр, но говорить о погоде у меня нет настроения. А на другие темы мне не позволено вести беседы, — сказала я ехидно.

Затем развернулась и зашагала в сторону дома, едва сдерживаясь, чтобы не перейти на бег. Конечно, по этикету полагалось попрощаться, но рядом с этим мужчиной я чувствовала себя неуютно.

За спиной вновь послышался смех и Коннели сказал:

— В первый раз девушки от тебя спасаются бегством. Ты ей явно не понравился.

* * *

Я сидела на кровати, в своей девственно чистой комнате XIX века, и курила сигарету. Я всегда так делала, когда очень нервничала. Хотя курить я бросила, почти полгода назад, всё-таки едя в Египет, прихватила две пачки. И вот, оказывается, пригодились, потому что не представляю, как бы я курила сигары Чарльза. Эти его сигареты покруче анаши будут, на не подготовленный организм. Меня просто, наверное, унесло бы. Это я где-то читала.

Я включила мобильник и уселась в позу лотоса. Я просматривала фотографии.

«Какая я здесь беззаботная», думала я, выпуская дым.

Всё-таки попасть в прошлое это большое эмоциональное испытание. Но больше всего меня беспокоило, вернусь ли я? Вдруг, я не смогу определить свою миссию.

Ещё и этот Кен. Почему он меня так взволновал? Ведь он богатенький простофиля, не делающий ничего полезного в своей жизни. Всё как говориться на блюдечке. А он ещё и по койкам скачет. И все же меня беспокоила моя реакция на него. Раньше такого не было. Может это и есть моя миссия?

Я вскочила с кровати, схватила письменные принадлежности. Нужно срочно посоветоваться с Эллис. Хотя срочно это конечно не получится. Письмо будет идти, по крайней мере, месяц, а ответ ещё столько же.

Сидя с подкуренной новой сигаретой, я питалась что-то нашкрябать пером. Это было такое мучение: движение — разрыв, клякса. Почерк похуже первоклассника. Уж и не знаю, как Эллис, что-то поймет. Но не могла же я кого-нибудь просить о помощи.

В очередной раз, с наслаждением затянувшись, я услышала стук в дверь. Я запаниковала, не зная, куда деть окурок.

— Кэсси, дорогая, к тебе можно? — спрашивала за дверью Элизабет.

Подбежав к камину, я бросила туда тонюсенькую сигарету, в надежде, что она не заметит.

— Войдите.

Я села на кровати, расправляя юбку которые только, что были задраны выше колен.

— Кэсси, хотела тебя предупредить. На завтра мы приглашены в дом нашей соседки — герцогини Крейтон. Ничего особенного, просто ужин. Там будет и её внук, — она остановилась приюхиваясь. — О, что это за запах?

— Э, я пыталась разжечь камин, — соврала я. Элизабет удивленно на меня посмотрела, так как в комнате не было холодно и было открыто окно.

Я сделала невинные глаза и принялась изучать свой маникюр.

— Нужно было позвать горничную. Ты не должна сама этого делать.

— В следующий раз так и сделаю, — ответила я поспешно, чтобы прекратить этот разговор.

Но внимание Элизабет вдруг привлекло кое-что другое.

— Что это? — она схватила мое по неосторожности оставленное письмо. Я запаниковала, что она начнет читать. Но конечно, она этого не сделала. Это было ниже её достоинства. А я ведь и забыла.

— Ты пишешь письмо? — только и спросила она меня. — Но что случилось с чернилами или перо испортилось, — она удивленно смотрела на мое творение полное дыр и клякс.

— Да, думаю нужно заменить набор.

Она отложила письмо.

— Что ж, мне пора идти. Чарльз говорил у него ко мне важный разговор.

Как только дверь закрылась я подошла к камину и, о ужас, опустила руку в пепел, пряча в него окурок.

Я тщательно собиралась к ужину у герцогини. Ещё бы, зная какие они привереды. Я выбрала платье из изумрудного шелка. Лиф красиво обрисовывал мою фигуру, а юбки плавно спускались к ногам, полностью закрывая шелковые туфли. Идти, конечно, тяжело было. Да, и горничная постаралась. Корсет затянула, уж туже некуда.

Так, что пока я спустилась вниз по лестнице, я еле дышала.

— Дорогая, ты чудесна, — воскликнула Элизабет, увидев меня.

Чарльз был какой-то чересчур серьёзный. Как будто что-то обдумывал.

Он подал одну руку Элизабет, другую мне и мы двинулись к двери. Почему эти аристократы считают, что женщины не в состоянии сами дойти до кареты. Снимите с меня это платье, и я вам покажу как быстро и ловко я двигаюсь.

Гастингс, почтено кланяясь, открыл нам дверь и стоял, высокомерно задрав нос. У меня сегодня было сумасшедшее настроение, поэтому я не удержалась и, проходя мимо, показала ему язык. Выдели бы вы его лицо. Я уже забеспокоилась, что его хватит удар.

Когда мы подъехали к дому герцогини, я увидела, что её поместье было намного шикарней нашего. А я даже и не подозревала, что такое может быть.

В дверях нас встретил учтивый дворецкий.

— Добрый день, милорд. Маркиза. Мисс Эмильтон, — кланялся он.

— Добрый вечер, Нортроп, — ответили маркизы. Я кивнула.

Почему-то к дворецким у меня была не любовь.

— Герцогиня ожидает вас. Следуйте за мной.

По дороге я мимо воли вертела головой осматриваясь. Здесь было чудесно. Неужели у всех аристократов такие роскошные апартаменты?

В гостиной нас ждала старая леди. Она сидела на диване. Спина её была натянута, как струна, а на голове была причудливая прическа, даже для 19 века.

— Добрый вечер, Чарльз, — сказала она и я подумала, что они, наверное, с маркизами на короткой ноге.

— Добрый вечер, ваша светлость, — поочередно промолвили Элизабет и Чарльз.

Я застопорилась, всё ещё рассматривая её. Когда поняла, что она неодобрительно на меня смотрит, ожидая, что я поприветствую её. Я сделала довольно удачный реверанс и прошептала:

— Добрый вечер, ваша светлость.

Она одобрительно кивнула.

За нашими спинами открылась дверь, и мы все повернулись в её сторону.

У меня перехватило дыхание. К нам приближался тот самый Кен, которого я встретила у озера.

— Добрый вечер, — сказал он. И на мгновение тоже растерялся, глядя на меня.

Но затем мы оба сделали вид, что не знакомы.

— Дорогой, познакомься, это дочь маркизом Шепердстоуна, мисс Кассандра Эмильтон.

— Рад знакомству, мисс Эмильтон. К вашим услугам герцог Крейтон.

Экий павлин, как будто я не знаю, что его зовут Кен Уортингерн. Герцог, блин. Я еле удержалась от того, чтобы фыркнуть ему в лицо.

— Очень остроумно, ваша светлость.

Все находящиеся в комнате замерли. Но видимо никто не понял, что я имела в виду.

— Что ж пройдем в столовую, — прокаркала вдовствующая герцогиня.

— Конечно, бабушка, — ответил Кен. Затем повернулся ко мне: — Сочту за честь проводить вас в столовую.

Я милостиво подала свою руку. Впрочем, скажу, что Кен был, не так уж и рад общению со мной. Мне кажется, он просто перед бабушкой расшаркивался.

В столовой Кеннет сидел во главе стола, его бабушка справа, Чарльз слева, возле него Элизабет. А мне выпала честь сидеть возле герцогини.

Как только мы расселись, герцогиня заговорила:

— Чарльз, вы говорили с Кассандрой?

Чарльз покраснел, Элизабет занервничала. Мне это не понравилось.

— О чем? — вставила я, вызвав недовольство герцогини.

— Дело в том, что мы не успели, — оправдывался Чарльз.

— Что ж, Кеннет всё знает, и думаю, я могу сама сообщить радостную новость Кассандре, — заговорила вновь герцогиня.

Она немного повернулась ко мне:

— Дорогая Кассандра, рада тебе сообщить, что ты помолвлена с герцогом, — высокомерно прокаркала она.

— С каким ещё герцогом? Вы заблуждаетесь, я ни с кем не помолвлена, — отчеканила я.

Герцогиня впала просто в бешенство:

— Да, как ты смеешь? Запомни: герцогиня никогда ни в чем не заблуждается. Ты помолвлена с Кеннетом. Данный союз был заключен между твоим отцом и отцом Кеннета ещё двадцать сем лет назад. Чарльз обязался, свою будущую дочь выдать замуж за Кена. И данный договор мог быть разорван, только в случае, если бы у маркизов не родилась дочь.

Ещё чего. Замуж я совсем не собираюсь. Тем более, за какого древнего герцога.

— Я вынуждена отказаться от столь великодушного предложения, — как можно мягче сказала я.

И тут в столовой начало твориться что-то невообразимое: Кеннет громко захохотал, откинув голову назад, Чарльз покрылся красными пятнами, Элизабет начала обмахиваться веером. Ну, а старуха просто открывала и закрывала рот, как рыба, выброшенная на берег.

Увидев всю эту картину, я тоже не сдержалась и засмеялась вместе с Кеннетом.

Когда все наконец-то пришли в себя герцогиня выцедила:

— Ты просто невоспитанная маленькая девчонка. Если бы мы могли разорвать данный договор, не нарушив обязательств, то уж поверь, сделали бы это. Чарльз я не могу поверить, что это ваша дочь. И это будущая герцогиня Крейтон.

Кеннету, похоже, было всё равно.

— Извините нас ваша светлость. Кассандра хорошо воспитана. Это просто нервное. Видите ли, мы не успели её подготовить.

Я замолчала, так как мне стало жаль маркизов. В конце концов, скоро я перенесусь в будущее. Мне ничего не стоит сделать вид, что я согласна.

Дальше ужин прошел в угрюмом молчании. Только герцогиня потребовала, чтобы я каждый день приезжала к ней лично, для уроков хороших манер.

Я чуть не застонала от одной мысли, что буду видеться со старой ведьмой каждый день.

— Кен, дорогой, почему бы вам с Кассандрой не прогуляться в саду, пока мы посидим в гостинной.

Мне пришлось подняться и оставить недоеденный десерт. Сердце учащено забилося, как только мы оказались на теплом вечернем воздухе в саду.

— Почему вы не возражаете? — спросила я его.

— Для меня это не имеет значения. Я знал об этой помолвке очень давно, правда только недавно узнал, что у маркизов есть дочь. В любом случае это ничего не изменит в моей жизни.

— Что вы имеете в виду? — спросила я насторожившись.

— Не тешьте себя иллюзиями Кассандра, я веду образ вольного человека. И после свадьбы ничего менять не собираюсь. Единственным дополнением в моей жизни станет, то, что я буду временами заходить в ваши покои, дабы сделать наследника. Но ведь это не значит, что я буду проводить там каждую ночь. И хотя ваше тело довольно соблазнительно, есть ещё много сладостей в жизни поза супружеской спальней.

Я была шокирована, и его наглостью, и его откровенностью.

— Ах, ты охреневший бабкин внук, — покричала я. — Я не выйду за вас ни при каких условиях. И пусть герцогиня с маркизами думают, что хотят. Пускай готовятся к свадьбе. Мне все равно. Я не буду женой развратника. И не смотрите на меня так.

— У вас нет выбора. Это честь семьи. Все браки так заключаются.

Он смотрел и нагло улыбался.

— Ошибаетесь, герцог. Браки заключаются на небесах. По крайней мере, в моем мире.

* * *

Дома, я тысячу раз пожалела о своем поведении. Я вела себя как базарная торговка. В мире аристократов такого не прощают, но моя несдержанность, как всегда сыграла со мной злую шутку.

Завтра я попрошу прощение у герцогини. Пока я здесь, нужно следовать правилам этого мира. И хотя, Элизабет с Чарльзом не сказали мне ни слова в укор, я знала, они расстроены.

Завтра я всё исправлю, думала я, засыпая.

Глава 8

После того злосчастного ужина недели потянулись мучительно медленно. Каждый день я ездила к герцогине.

В первый же визит я извинилась:

— Ваша светлость, — сказала я, но в то же время я не присмыкала, я была полна достоинства. — Я вынуждена признать, что вчера вела себя недостойно и прошу у вас великодушия простить мои неосторожные высказывания, — под конец фразы я гордо вздернула подбородок выше.

Герцогиня, видимо, не была довольна таким извинением, но благосклонно кивнула.

С этого дня, она всячески изводила меня своей дотошностью, высокомерием. Иногда мне даже казалось, что она специально провоцирует меня на скандал. Но я, стиснув зубы, сдерживалась, отвечая ей правдиво, но вежливо.

— Налей мне чаю, дорогая, — высокомерно просила она.

Я встаю, наливаю чай. Она пробует и недовольно морщится.

— Остыл.

— Но, ваша светлость, его только привезли, — осторожно возражаю я.

— И, тем не менее, остыл. Попроси лакея принести новый.

Я звоню в колокольчик, лакей всё уносит и через время появляется с новой тележкой.

— Налей мне чаю, — тем же противным голосом просит она.

Я наливаю.

— Этот чай не удался. Не буду его пить. Почему бы тебе не попросить Генри принести булочек.

После чего она отказывается от них, так как тесто вредно для её фигуры.

И так бесконечно. При этом глаза старухи так хитро блестят. Я точно знаю, она специально.

Не смотря, на всякие правила, она все же умудряется оставить меня наедине со своим внуком. Который раздражает меня ещё больше. У меня такое чувство, что я чем-то провинилась перед Богом, и он наказывает меня в этом мире.

Целый день я слышу команды: танцуй, веди беседу, предложи мне чай, поблагодари меня, сделай мне комплимент. Под конец я так устаю и злюсь, что еле добираюсь до спальни.

Сегодня я особенно устала, она заставила меня танцевать с Кеном. Наглый повеса прижимает меня к себе намного ближе положенного. Я волнуюсь, сбиваюсь с такта, сердце выпрыгивает из груди. Я жду только, когда это закончится.

Кен, тем временем, грациозно ведет меня в танце и умудряется ещё и довольно ухмыляться. Я чувствую себя просто какой-нибудь никчемной дурочкой одурманенной плохим парнем.

— Что ж довольно, — отдает приказ герцогиня. — Можете прогуляться в сад. Я устала от вас.

Ты от нас? Да я готова тебя придушить.

* * *

— Выпусти пар, Кэсси, — смеется Кен. — Ты сейчас лопнешь.

— Я не давала вам разрешения фамильярничать со мной милорд, — отрезала я.

— Но ведь мы все равно скоро поженимся. Как только бабушка представит тебя свету, состоится свадьба, — он подходит вплотную ко мне. — Это неизбежно, — он переходит на интимный шепот и при этом касается губами моей щеки.

— Вы ещё многого не знаете, — мой голос срывается, когда я говорю. — Но я не выйду за вас.

— Так расскажи мне, что такое знаешь ты, чего не знаю я, — шепчет он. — Очень скоро ты будешь лежать в моей постели, изнывая от желания.

— Лишь в ваших мечтах, — выдыхаю я.

Он вдруг резко сжимает меня в объятиях, и я чувствую, как его губы приближаются к губам, при этом попутно горячо целуя мою щеку.

Я не в силах его оттолкнуть. И когда его губы накрывают меня, в моем теле происходит такое сумасшедшее возбуждение, будто мы уже сексом занимаемся. А ведь между нами тысячи слоев одежды. Да, умели эти аристократы целоваться, — проносится у меня в мозгу.

Кен, тем временем, все крепче прижимает меня к себе, руки гладят мою спину, двигаются выше. Он зарывает их в мои волосы, большими пальцами ласкает мои скулы.

С моих губ срывается тихий стон, после чего я слышу хриплый рык Кеннета. Он кладет руку мне на грудь. Я задыхаюсь от неожиданности, от мучительного наслаждения. Обхватываю руками его за шею.

Он отстраняется и резко разворачивает меня, прижимая к стенке. Рука задирает мои юбки. И вот, я уже чувствую его горячую руку у себя на колене.

Мысли лихорадочно проносятся у меня в голове.

Я не хочу быть очередной победой. Не хочу.

Решительно отпихиваю его.

— Спасибо, за демонстрацию своих талантов, ваша светлость. Но впредь, будь так любезны, спрашивать меня, прежде чем обрушить на меня свою навязчивую страсть, — безразлично говорю я. Знал бы он чего мне это стоило. — А сейчас, прошу меня простить, мне пора домой.

Он недоуменно смотрел на меня. Затем захохотал и сказал:

— Я знаю, что тебе понравилось, меня не проведешь.

— Жаль вас разочаровывать, ваша светлость. Но видимо, вам только кажется, что вы так хорошо знаете женщин и принимаете их ... терпение к вашей персоне за любовное наслаждение.

Его лицо посинело от гнева.

Он резко хватает меня за руку и тащит вглубь сада:

— Я докажу тебе что это не так.

Мы оказываемся в беседке. Он резко прижимает меня к себе:

— Посмотрим, сможешь ли ты меня остановить, — шепчет он.

Он действует с бешеным напором, снова целует меня, одновременно лаская грудь.

Затем опускает лиф и наклоняет голову. Я стону от наслаждения не в силах справиться с собой.

Мы медленно оседаем на пол. И, о ужас, я лежу на полу в беседке с юбками задранными вверх. Слышу его прерывистое дыхание и шепот:

— Ты моя. Моя.

Его жгучая рука прижимается к самому интимному месту моего тела, ласкает, поглаживает.

— Ты такая влажная. Я хочу тебя, — нежные губы властно целуют меня. Терзая, лишая силы воли.

Я ничего не соображаю, наслаждение растет по мере того, как его умелая рука трогает меня там. И вот я чувствую взрыв во всем теле, меня накрывает никогда ранее не испытываемый оргазм.

Когда я открываю глаза, вижу над собой его горящие глаза, еле сдерживаемое желание.

— Скажи, что ты хочешь, чтобы я вошел в тебя. Попроси, — шепчет он.

Я мысленно стону от отчаяния. В моей душе идет борьба тела и разума.

Как мне хочется ощутить его там, внутри себя.

Но я не могу. Гордость побеждает все-таки мои сомнения.

— Нет, — прерывисто шепчу я. — Я не буду одной из твоих многочисленных подружек, — добавляю уже более уверенно.

Он в отчаянии опускает кулак в пол беседки, рядом со мной, вздымая клубы пыли. Он резко поднимается.

Я тоже встаю, отряхиваю платье и пытаюсь привести волосы в порядок.

Кен мечется по беседке, но вдруг опять подлетает ко мне:

— Я знаю, ты хочешь меня. И не спорь. Ты все равно будешь моей, — яростно шепчет он.

Я сердито выдергиваю руку и пулей вылетаю из беседки.

* * *

Пива мне бы, думаю я, входя в дом.

— Гастингс, милорды дома?

— Нет, мисс. Маркизы Шепердстоун отбыли с визитом к леди Дерби, — говорит высокомерный дворецкий.

— Я буду в библиотеке. Хочу почитать, — говорю я на ходу.

В библиотеке Чарльза я, конечно же, нахожу только графин с бренди. Наливаю огненную жидкость и выпиваю залпом.

Крепко, думаю я. Я отчаянно дышу, питаюсь справиться с огнём, бушующем в моем теле.

Немного придя в себя, наливаю еще порцию. Но в этот раз сажусь в кресло Чарльза и с наслаждением осторожно потягиваю янтарную жидкость.

Глава 9

Старая карга, опять я должна терпеть это унижение, — думаю на следующий день по дороге к Крейтон-Холлу. Сегодня, я не была уверена, что сдержусь в очередной раз после её замечаний или указаний. Причиной тому была головная боль после бренди и стыд за свое вчерашнее поведение. Как вести себя при встрече с Кеннетом?

Я величественно вхожу в дом. Нортроп, как всегда, вежливо кивает, когда я прохожу мимо его. Похоже, за последний месяц, что я здесь бываю, все уже ко мне привыкли.

Герцогиня восседает в кресле в гостиной и чинно потягивает чай.

— Дорогая, ты сегодня поздно, — говорит она вместо приветствия.

— Добрый день, Долоресс, — с недавних пор она настояла, чтобы я так к ней обращалась.

— Пока тебя не было, я тут размышляла, — начала она.

Я чуть не застонала. Боже, что она опять задумала? Сцепив зубы в бессильной ярости, я сажусь на диван.

— Кассандра Вильгельмина Эмильтон, — я даже поморщилась от своего ужасного имени и её напыщенно-торжественного голоса. — Общаясь с тобой, я поняла, что ты будешь прекрасной герцогиней, — от изумления я открыла рот. — В тебе есть все необходимое: характер, сила воли, грациозность, обаяние и, что самое главное, если захочешь ты умеешь себя держать в руках. Но в тоже время ты не стесняешься высказывать свое мнение и можешь искусно ответить ударом на удар. Я издевалась над тобой в течение этого времени, изводила тебя просьбами и прихотями. Но ты все стойко стерпела. Bravo, детка. Ты прошла испытание.

Ах, старая ведьма. Так это все было специально. Я не знаю, что ей сказать.

— Поэтому в конце недели мы отправляемся в Лондон. Ты готова предстать перед светским обществом.

Я испытала настоящий ужас от её слов.

Знала бы ты, что твоя будущая невестка, достойная герцогиня: курит, пьет и недалече, как вчера лежала в твоей беседки с задранными юбками.

В этот момент в комнату вошел Кеннет, и все мои мысли были потеряны. А, голова стала занята только им одним. Он пожирал меня взглядом, глаза его полыхали огнем сдерживаемого желания.

— Здравствуй, Кэсси, — чинно поздоровался он.

— Добрый день, ваша светлость, — смущенно произнесла я.

В этот момент герцогиня фыркнула и произнесла:

— К чему эти церемонии. Он твой жених и будущий муж.

Не думала, что услышу что-нибудь подобное из её уст.

— Прогуляйтесь, дети. Сегодня занятий не будет, — царственно сказала она, махнув рукой.

— Но мне совсем не хочется, — возражаю я.

— Ты должна практиковаться в ведении беседы. А у меня на тебя уже нет сил.

Как же, да у тебя сил побольше, чем у меня. Старая лиса, — думаю я, поднимаясь с дивана.

В саду Крейтонов можно гулять бесконечно, наслаждаясь свежим ароматом и яркостью пестрых цветов.

— Я уезжаю, сегодня в Лондон, — говорит Кен.

— Скатертью дорога, — отвечаю я, фыркая. Хотя на душе вдруг становится тоскливо и грустно.

— Ты могла хотя бы притвориться, что тебе это не безразлично, — он сердиться.

Я останавливаюсь и, тыча пальцем ему в грудь, четко говорю:

— Мне и не безразлично, Кенни. Я просто безумно рада избавиться от твоего внимания, хоть на некоторое время.

— Твой острый язык меня начинает раздражать, — злиться он.

— А я думала, что ты без ума от него, — невинно говорю я и, немного высунув язычок, страстно облизываю губы.

Он яростно чертыхается, и отворачивается от меня.

— Черт, черт, — придя в себя, Кеннет снова смотрит на меня: — Где ты этому научилась? — изумляется он.

— Тебе будет не просто меня забыть? Правда Кенни? — страстно шепчу я, приближаясь к нему вплотную, — ты будешь лежать в своей одинокой кровати и мечтать о моих ласках.

— Моя постель никогда не бывает одинокой, Кассандра, — возражает он.

Я в притворном ужасе прикрываю рот рукой.

— О, Боже Кенни, неужели ты склоняешь к интимным отношениям бедных горничных?

Он грубо хватает меня за плечи. Несколько раз встряхивает и яростно шепчет:

— Ты доиграешься, Кэсси. И я возьму тебя, не смотря на твои возражения. Ты будешь извиваться, и кричать от страсти подомной. Увидим тогда твое ликование, когда ты не сможешь меня остановить.

Я растеряно моргаю глаза, понимая, что он прав. И все мое ехидство только способ скрыть свои чувства к нему.

Внезапно Кеннет привлекает меня к себе.

— Я буду скучать по тебе Кассандра, — шепчет он мне на ухо, и все ближе прижимая к себе.

Его губы находят мои и, я без сопротивления, страстно отвечаю на поцелуй. По телу проходят волны, в животе порхают мотыльки. Я жажду испытать силу его страсти. Но разум не позволяет поддаться на уговоры предательского тела.

Почему именно он вызывает ураган чувств в моем теле? Если бы такое случилось в моей жизни в будущем я бы не раздумывая, поддалась на призывы своего тела. Но здесь я понимаю, что не хочу стать игрушкой на одну ночь. Я хочу большего. Большого? Любви?

От этой мысли я прихожу в ужас. Меня охватывает паника, и я просто столбенею от осознания значения подобных дум.

Кеннет, удивленный моим резким безразличием, с беспокойством смотрит мне в лицо. Я стою совершенно не подвижно.

— Что с тобой? — спрашивает он.

Я пытаюсь взять себя в руки. Несколько раз, моргнув ресницами, я все же произношу:

— Все в порядке, герцог. Счастливого пути. И встретимся в Лондоне.

Медленно поворачиваясь, я бреду, к конюшне оставляя Кеннета в недоумении.

Дойдя до конюшни, я прошу конюха оседлать для меня лошадь. И как только конь готов, я вскакиваю в седло. Я пускаю лошадь галопом, ветер развеивает мои волосы, слезы текут по щекам. Этого не может быть. Я не могла в него влюбиться. Нет. Только не это. Как же я теперь вернусь. Меня охватывает полное отчаяние. Пелена слез застилают мне глаза.

В это мгновение до моего слуха доносится стук копыт. Но мне все равно. Я яростно смахиваю слезы рукой, но от неудачного маневра теряю равновесия и стремительно падаю вниз.

Тупая боль пронзает мое тело, я не могу дышать. Слезы новыми потоками льются из глаз, когда надо мной возникает взволнованное лицо Кеннета.

— Кэсси, Кэсси, — кричит он, ощупывая меня в поисках повреждений.

Я только бессильно плачу, в тоже время, умирая от стыда из-за того, что он видит меня такой.

— Что случилось? — убедившись, что все цело он бережно прижимает меня к своей груди. — Я тебя обидел? Скажи, ответь же что-то.

Я уже реву навзрыд, обнимая его за шею.

— Тебе не понять, — говорю я сквозь слезы.

— Я попробую, — шепчет он.

Нет, ты не поймешь. Ты даже приблизительно не знаешь, что такое любовь.

— Прости меня, прости, — шепчет он, и гладит меня по спине. — Я больше никогда не прикаснусь к тебе. Пока ты сама не захочешь.

Я уже хочу, но не могу. Что за странная штука жизнь. Почему мы не можем иметь то, чего отчаянно желаем?

Постепенно мои рыдания утихают, и я тихо сижу на коленях Кеннета. Дует теплый ветерок, ярко светит солнце, лошади мирно пасутся. И вообще жизнь продолжается. Только мое сердце умирает. От любви. Безнадежной любви.

Глава 10

Спустя пять дней мы прибыли в городской дом Эмильтонов в Лондоне. После случая на лугу я не видела Кеннета, и сегодня ужасно нервничала, так как предстоял совместный ужин в доме герцогини.

Я долго выбирала, что одеть и, в конце концов, остановила свой выбор на белом атласном платье, которое было украшено лишь красными лентами по лифу и подолу. Оно выгодно оттеняло мои темные волосы.

Я рассматривала себя в зеркале, мне нравилось то, что я видела, но страх снова охватил меня при мысли о встрече с Кеннетом. Я не смогу, не вынесу этого. И хотя это было немыслимой трусостью, которая раньше мне была не свойственна, я решила остаться дома. Вот так полностью собранная и одетая я трусливо осталась дома, сославшись на то, что плохо себя чувствую. Что было не совсем ложью — сердце бешено колотилось в груди, голова кружилась от одной мысли, что Кен где-то рядом.

Одевать, изрядно надоевшую, ночную рубашку, не хотелось, поэтому я облачилась в свою

короткую майку и трусики. Давно я себя этим не баловала. Забравшись с ногами на кровать и, поджав их под себя, я открыла глупенький романчик. В описанной истории все было чисто и наивно. В своей прежней жизни я бы никогда не стала такое читать, но сейчас я пропиталась жалостью к главной героини, которая страдала от неразделенной любви. Эх, и дура же...

Я выругалась и захлопнула книгу.

Открыв окно, я закурила сигарету. Немного потоптавшись возле окна, снова прошла к кровати и легла поверх покрывала. Теперь я с интересом рассматривала потолок, утопая в клубках выпускаемого мной дыма. В комнате горела лишь одна свеча возле кровати, и маленькое пламя отбрасывало причудливые тени.

Я услышала тихий шорох за окном, но сначала не обратила на это внимание. Как вдруг черная тень скользнула в мою комнату. Сердце сжалось от страха, и я приготовилась яростно сопротивляться.

Стук моего сердца звучал оглушительно громко. Я напрягла тело, когда вдруг услышала знакомый голос:

— Кэсси?

Сердце стало, пропустило один удар и забилося с невероятной скоростью. Кеннет в моей спальне? Что делать? Я на кровати в одежде 21 века и с сигаретой.

— Кэсси? — он удивленно смотрит на мою сигарету, затем обводит долгим взглядом своих манящих глаз мое одеяние. В глазах шок, но в тоже время я вижу нескрываемое желание.

— Какого черта, герцог? — вскакиваю с кровати.

— Ты куришь? — он изумлен.

— Нет, это мой любовник оставил, — язвительно отвечаю я, бросая дымящий окурок за окно.

Он, казалось, не услышал меня, его внимание приковано к моим обнаженным ногам, ягодицам, упругому животу. В его понятии я почти голая. Ох, уж эти джентльмены. А, что если....

Мои глаза озорно загорелись, тело закололо в предвкушении.

— Кеннет ты умеешь петь? — томно шепчу я.

Он судорожно сглатывает.

— Петь? — голос Кена звучит хрипло и возбуждающе.

Ничего не будет, если я немного пошалу. Боже, как же я по нему соскучилась.

— Да, мне хотелось бы потанцевать. Спой для меня.

— Что ты несешь? Мне сказали, ты плохо себя чувствуешь, — говорит он.

— Ладно, станцуем без музыки, — я начинаю медленно покачивать бедрами, играя мышцами живота. Его глаза становятся просто испуганными.

Я медленно приближаюсь к нему, ощущая небывалое возбуждение и ликование. Озорная

улыбка светится на моем лице.

Продолжая извиваться я трусь своим телом о его сюртук, обхватываю его ногу своей. Затем поворачиваюсь к нему спиной, тесно прижимаясь попкой к его телу, откидываю голову назад.

Кеннет дышит отрывисто и хрипло, я слышу стук его сердца. Вот так вот герцог попался. Нелегко тебе искусному соблазнителю оказаться в роли жертвы.

— Кассандра, что ты делаешь? — мучительно выдыхает он. — Если ты сейчас же не остановишься, я не смогу сдержать своего слова. Ты станешь моей ещё до рассвета.

Я, наверное, сошла с ума. Все в моей голове перемешалось, потому что я шепчу ему:

— А если я сама освобожу тебя от данного обещания? Что будет?

— Ты не должна... — его голос срывается. Я повернулась к нему лицом и тесно прижавшись, заглянула в глаза. Горячие, возбужденные глаза настоящего мужчины. Дьявола.

— И это мне говорит опытный соблазнитель? Так-то ты себя ведешь с женщинами?

— Ты не такая, — отвечает он. Голос его звучит мучительно.

— Откуда ты знаешь? Когда ты успел это понять?

— Кассандра, остановись, — он отодвигает меня.

Но у меня в сердце уже все решено. Я остаюсь. Я остаюсь!

— Я выйду за тебя замуж, — говорю я, смотря на него в упор.

Кен удивлен. Его глаза с интересом рассматривают меня пытаюсь понять, где подвох.

— С чего вдруг ты переменяла свое мнение? — недоверчиво спрашивает он.

— Какая разница. У меня нет выбора, — говоря это, я имею в виду свое сердце, но он, похоже, принимает мои слова за чувство долга.

Кен удовлетворенно кивает.

— Хорошо, что ты поняла это.

— Удовлетвори девушку, Кен. Покажи, на что ты способен, — шепчу я и одним рывком снимаю майку.

Его взгляд поражено упирается в верхнюю часть моего тела. Некоторое время он сопротивляется своему желанию, затем со стоном прижимает меня к себе.

— Я не понимаю тебя, Кэсси. Ты противоречишь сама себе. Почему сегодня?

— Потому, что раньше я не собиралась связывать с тобой жизнь. Сейчас все по-другому. Я хочу попробовать то, что получу, — ответила я. Он сомневается, но силы его на исходе. Я поднимаюсь на носочках и медленно обвожу языком его напряженные губы.

В следующее мгновение я слышу его стон, и горячие губы прижимаются к моему рту. Его язык

яростно врывается в глубины моего рта, а руки жадно обхватывают бедра, прижимая к себе, лишая воли.

Я обвила его руками, погружая пальцы в волосы. Руки Кена бродили по моему телу, пробуждая неистовую страсть. Я застонала, когда он накрыл руками мои груди. Никогда не думала, что это может быть настолько приятно.

Некоторое сомнение все же проскользнуло в воспаленном мозгу, когда Кеннет положил меня на постель. Он долго рассматривал мое тело, затем начал раздеваться. Я зачаровано наблюдала за каждым его движением. Откровенно наслаждалась его красотой. Но, когда он, остался совершенно обнаженным, у меня перехватило дыхание. Как он был прекрасен. Сочетание идеального тела и грубой мужской силы.

Он медленно опустился возле меня на кровать.

— Я так долго об этом мечтал. Ты самая красивая девушка, которую я когда-либо видел, — прошептал он, лаская взглядом мое тело.

Может это обычные комплименты Казановы, но на меня они подействовали. На душе стало так тепло.

Он снова начал меня целовать, одновременно лаская тело.

— Я хочу тебя, — смело сказала я, притягивая его обнаженное тело к себе. Я ощущала силу его желаний и слышала судорожные вздохи. Но он почему-то медлил. Неужели он думает, что я девственница? Этого мне ещё не хватало.

Я приподнялась и решительно стянула трусики. Думаю, Кен просто не догадался бы, как они снимаются.

Он лежал на спине и несколько удивленно наблюдал за мной. Я, извиваясь, растянулась сверху на нем.

— Кеннет Уортингерн, ты великолепен, — сказала я, поцеловав его в губы.

Я ласкала губами его шею, торс. Наслаждалась манящим мужским запахом, свойственным только ему одному.

Чувствуя, что его желание на пределе, я решительно развела ноги и оседлала его бедра. Он застыл удивленный, но уже в следующее мгновение помогал мне, устроится удобнее. И когда я мучительно медленно вбирала его плоть внутрь себя, голова его была запрокинута назад, а из груди вырвался стон.

Мы застонали в унисон, когда погружение достигло конца. Упругая плоть заполнила мое лоно.

Затем я начала ритмично двигать бедрами, поднимаясь и опускаясь. Руки Кена ласкали мою грудь, причиняя непередаваемое наслаждение.

Вскоре я ускорила темп, чувствуя, как нарастает томление внутри живота. Послышался долгий стон Кена, и я ощутила, как его семя оросило мои тайные глубины. В этот момент что-то обжигающе-горячие взорвалось внутри меня, и я бессильно обмякла.

Некоторое время мы не двигались обессиленные. Но потом я все же встала, и перекатилась на

спину.

— Ты не была девушкой! — придя в себя, сказал возмущенно Кеннет.

Я фыркнула.

— Да, и ты не новенький. Могу представить, сколько баб тобой успело попользоваться, — съязвила я, оскорбленная.

Он резко сел на кровати.

— Кто он? Я его убью, — яростно прошептал он.

— Ты никогда их не увидишь, — устало прошептала я. Хотя решение, остаться в этом мире, было принято, но к мысли этой ещё нужно было привыкнуть.

— Их? Их????????????? Сколько же их было? — лицо Кеннета покрылось пятнами.

— Двое. Но тебе не очень беспокоиться. Они очень далеко.

— Не беспокоится? Я конечно никогда не грезил о девственнице, но все же моя жена должна быть невинной, — ответил он.

— Это все глупые предрассудки. И только дураки в них верят. Разве лучше, когда девушка невинна в брачную ночь, а потом, выйдя замуж, начинает наставлять рога мужу? — увидев, что его лицо побелело, я, предостерегая, выдвинула руки: — Я же никогда тебя не предаю, если ты будешь придерживаться того же.

— Ты необычайно наглая девица, Кассандра! Еще и условия мне ставишь, — он вскочил и стал яростно натягивать одежду.

— Да, пожалуй, тебе пора, — я демонстративно зевнула, и повернулась к нему спиной. — Увидимся завтра на балу, — сказала я, закрывая глаза.

В ответ ничего не последовало, и вскоре в комнате стало тихо. Я сняла маску безразличия и поднялась с кровати. Закрыв окно и надев обратно майку и трусики, я забралась под одеяло. Но сон долго не шел ко мне. Все ещё больше усложнилось.

Глава 11

Я проснулась поздним утром. Меня разбудил шум и крик, доносившийся с первого этажа. Я удивленно села на постели. Нет, я бы не удивилась, если бы это происходило в моем 21 веке. Там тетка Белинда любила с утра поголосить на пару с подругами, обсуждая кого-нибудь из знакомых. Но здесь это считалось верхом неприличия.

«Что же такого произошло?», — думала я, поднимаясь с постели. «Может, обнаружили пропавшую бутылку бренди и теперь ругают слуг».

Мой взгляд упал на надпитую бутылку. Я быстро схватила её и сунула в шкаф. И едва я успела надеть халат поверх майки, как в мою дверь постучали.

— Милая, ты ещё спишь? — тихо позвала с коридора маркиза.

— Нет, Элизабет входи, — проговорила я голосом полным достоинства. Но в душе все сжалось

от неприятного предчувствия.

Элизабет буквально ворвалась в спальню, что было ей совсем не свойственно. Значит, случилось нечто ужасное. А вдруг кто-нибудь увидел, как герцог лез в мое окно? Меня прошиб холодный пот. Было невыносимо стыдно перед маркизами.

Элизабет все мялась, смотря на меня из под полуопущенных век.

— Что-то случилось? — не выдержала я, и осторожно спросила.

— Кеннет приходил уже четыре раза, начиная с восьми утра, — прерывисто зашипела она. Такое время считалось у них неприличным для визитов. — Он очень взбудоражен. И требует тебя видеть. Я его убеждала, что ты ещё отдыхаешь. Но он все продолжал настаивать. Слава Богу, двадцать минут назад он отбыл по делам в Парламент, — она ещё больше понизила голос, а глаза её расширились: — Он так громко изъяснялся, и даже Гастингсу наступил на ногу и обозвал его болваном, пытаюсь пройти на второй этаж.

Представив высокомерное лицо Гастингса, я еле сдержалась, чтобы не рассмеяться.

— Неужели за эту неделю он так соскучился по тебе. Герцог всегда так вежлив и терпелив. Сегодня я его просто не узнала, — размышляла вслух маркиза.

Я же только порадовалась, что Кеннет не дождался меня. Конечно, мы встретимся с ним вечером на балу у графини Жогертон, но там он не посмеет закатить скандал. Или посмеет?

* * *

В искристом белоснежном платье, я входила в бальный зал. Чарльз держал нас с Элизабет под руки и гордо задирает голову.

— Маркиз и маркиза Эмильтон. — громогласно пробасил дворецкий. Затем добавил, увидев меня: — Мисс Эмильтон.

В зале внезапно стих гул голосов и как по команде головы одна за другой поворачивались в нашу сторону. Сказалось долгое отсутствие маркизом, а также внезапное мое появление. Даю руку на отсечение, сейчас все гадают, на кого я похожа.

Мы двинулись в толпе людей, старательно делая безразличный вид.

— Элизабет, Чарльз, как я рада вас видеть, — проговорила брюнетка в зеленом атласном платье, протягивая к нам руки.

— Здравствуй, Шерри, — поздоровались маркизы. — Дорогая, это наша дочь Кассандра, — живые изумрудные глаза устремились на меня. — Кассандра, познакомься — графиня Жогертон.

Я почтительно расплылась в реверансе, моля Бога, чтобы от напряжения не лопнули шнурки на стиснувшем меня корсете. Горничная как обычно перестаралась.

Графиня улыбнулась мне теплой улыбкой и, указывая изящной ручкой на молодого мужчину, стоящего справа от неё, проговорила:

— Мой сын — граф Рудольф Жогертон.

Граф был похож на мать как две капли воды, но даже по мужским меркам был безумно красив. Но эта красота почему-то не трогала. Да, и имя Господи помилуй!

— Позвольте пригласить вас на первый танец, мисс Эмильтон, — учтиво проговорил он.

Ах, да конечно, сейчас только отыщу в нижних юбках свою бальную карточку, думала я, еле сдерживаясь от того, чтобы фыркнуть и ткнуть ему однозначную фигуру из пальцев под нос. Но не люблю я эти их танцы. Я не смогу двигаться со скоростью умирающей улитки.

Я вынужденно улыбнулась и уже собиралась дать ответ, как над моим левым ухом раздался яростный голос Кеннета:

— Мисс Эмильтон уже обещала этот танец мне.

Знали бы вы, чего мне стояло сохранить невозмутимое выражение лица.

Но Чарльз с Элизабет лишь понимающе улыбнулись и переглянулись. А граф казался рассерженным. Видимо они с Кеннетом не большие друзья.

Когда я встретилась взглядом с Кеннетом, между нами будто искри пролетели. Мое лицо залил густой румянец. До этого я не знала, что краснею. И мне даже показалось, что это может кто-нибудь заметить, но как ни странно леди и джентльмены продолжали вести непринужденные беседы.

Заиграла мелодия вальса, и Кеннет изящным движением кисти протянул мне руку.

Я боялась коснуться его ладони, как будто это стоило мне жизни. Но выхода не было. И как только моя рука скользнула в его обжигающе горячую ладонь, мое тело завибрировало и совершенно не подчинялось мне. Благо Кеннет был прекрасным танцором, и умело закружил меня в танце.

Я совершенно расплылась и была похожа на жидкий воск в руках мастера. Только Кеннета я не опережала движениями, потому что я вообще не двигалась, я просто шла за ним. Слепо доверяя, подчиняясь, не узнавая саму себя.

— Кассандра, — прошептал он мне на ухо, — я должен с тобой поговорить.

Я испуганно напряглась, догадываясь, о чем пойдет речь.

— Валяй, — фальшиво небрежно ответила я.

— Я решил, что нам будет удобно поговорить об этом в саду, — прорычал он, ловко варьируя между танцующими парами.

Через мгновение мне в лицо ударил теплый летний воздух, и мы оказались на террасе.

Несколько быстрых шагов и мы спустились в дивный поросший зеленью и цветами сад. Но не успела я залюбоваться, как Кеннет увлек меня в заросли кустарников, укрывая от любопытных взглядов.

— Я не спал целую ночь, — яростно зашипел он.

— Рановато для бессонницы, герцог. Но чем я могу вам помочь, ваша светлость, — ответила я елевым голоском.

Он резко притянул меня к себе и, буравя своими восхитительными глазами, хрипло сказал:

— Я думал о тебе. Ты лишила меня сна.

Тепло разлилось по моему и без того неустойчивому телу, но я мужественно держалась.

— Очень жаль, потому что я спала прекрасно, — соврала я, вспоминая очередную брэндохимию. Так и до алкоголизма не далеко.

Но герцог был так сосредоточен на своих мыслях, что не обратил никакого внимания на мои слова.

— Я ничего не понимаю, — он смешно наморщил лоб. Сейчас он напоминал мне мальчишку. — Раньше со мной такого не было. Что ты со мной сделала?

Я сопротивлялась своему телу из последних сил.

— Думаю, все дело в том, что в этот раз не вы соблазнили, а вас изнасиловали, — задорно ответила я.

— Ты не такая, Кэсс. Я долго думал...ты только хочешь казаться такой. Но душой ты чище остальных женщин. Ты бескорытна, бесхитрозна.

Я замерла, окончательно теряя самообладание. Как мне хочется быть с этим мужчиной. И я буду. Но завладею ли я его тело и душой полностью? Больно от мысли, что он будет бегать по юбкам сейчас, когда мое сердце кричит о любви.

— Завтра, я дам объявление в «Таймс» о помолвке. Я уже говорил с бабушкой, свадьбу организуют в течение месяца.

— Так скоро? — я была шокирована. Мне ещё нужно привыкнуть к мысли, что я навсегда останусь в этом мире. Роль герцогини казалась мне непереносимо сложной.

— Я хотел быстрее, но это вызовет слухи, — возмутился Кен.

Он быстро наклонился в поцелуе ко мне, и я потеряла возможность сопротивляться, упивалась его ласками.

* * *

Когда мы возвратились в зал, все было также как до нашего ухода. Казалось, никто не обратил внимания на наше отсутствие. Кеннет представил меня некоторым знакомым, и пригласил ещё раз на танец. В этот раз это был контрданс, который нравился мне значительно больше из-за того, что там присутствовали быстрые движения.

Я была довольна первым балом, время пролетело незаметно и, я узнала много приятных людей. Но сердце подсказывало, как только эти люди узнают о нашей с герцогом помолвке их приятность сменится на открытую завистливую лесть. Даже сегодня женская половина зала недовольно тарасилась, едва завидев нас где-нибудь вместе.

Глава 12

На следующий день, после бала, светское общество узнало о нашей с Кеннетом помолвке. Это вызвало бурю негодования вздорных мамашек и их дочек на выданье. И, тем не менее, все

посчитали своим долгом явиться к нам домой лично, дабы поздравить. А точнее убедиться, правда ли? Сколько скрытых ядовитых высказываний завуалированных лестью я наслушалась. Мама дарагая!!!!

— Ну, конечно, милочка, герцог просто сдержал слово отца, — говорила ядовито рыжая графиня Ракинзас, мерзко улыбаясь и навязчиво похлопывая меня по руке. — Бедный! Это был его долг.

— Вы как всегда правы, мадам. Жаль Жоржине не повезло, так как мне, — сказала я, притворно вздыхая, имея в виду её доченьку.

Эти визиты продолжались целую неделю. Мало того, что приходилось быть объектом повышенного внимания на балах. Кеннет вел себя не очень вежливо, порой просто грубо отказываясь отвечать на дотошные расспросы знати. К счастью, он имел такое положение в обществе, что мог себе это позволить. Тогда любознательные особы стали преследовать меня. Конечно, на языке у меня вертелось кое-что похуже, чем им отвечал Кеннет, но я не могла бросить тень на семью маркизов Шепердстоун.

Я стиснула зубы, когда ко мне подошел лорд Кроули. Он отличался любопытством, несвойственным мужчинам и полной глухотой. Только его мне не хватало для полного счастья.

— Мисс Эмильтон, добрый вечер, — вальяжно начал он. Голос его был гнусавым, а глазки бегали по лифу моего платья. Похотливая свинья.

— Добрый вечер, лорд Кроули, — учтиво ответила я, скрывая свои истинные чувства.

— Слышал вы дали согласие на брак с Крейтоном. С чего бы это?

— Действительно, с чего бы это мне не выйти замуж за красивого и обаятельного мужчину? — не удержалась я.

Он залился краской, однако, видимо не все расслышал. А я не собиралась уточнять, что именно.

— Вы правы, герцог очень гордится вашей помолвкой, — пробормотал он.

О, Господи, глушман! Я удивляюсь, как он вообще сплетни собирает? Да, вот так они и рождаются, там не услышал, там не понял.

Его глаза опять настойчиво прошлись по моей груди и бедрам. Это просто омерзительно!

— А почему Чарльз сегодня не приехал с вами? Вижу, вас сопровождает Крейтон, — продолжал он дальше. Мне показалось, он даже облизнулся от предвкушения новой сплетни.

— Он сегодня занят, — ответила я. Рассказывать в подробностях, что Чарльз готовит доклад для Парламента, я не стала. Не зачем ему это знать.

— Что? Заболел? — вскричал старик.

— Занят, — терпеливо повторила я.

— Сломал ногу. Ужас, как я ему сочувствую, — притворно ужасался тот. Я же, не имея больше терпения, сделал вид, что услышала, будто меня кто-то зовет.

Но как только я повернулась, чтобы уйти наткнулась на графа Жогертона.

— Милая Кассандра, надеюсь, сегодня вы почтите меня честью и подарите танец, — сказал Рудольф, улыбаясь.

Я была в ловушке: Кроули или Жогертон? Выбор пал на последнего. Потому я согласно кивнула, и мы направились к центру бальной залы. Заиграл медленный вальс, и начались мои мученья.

— Кассандра, вы прекрасны. Никогда прежде мне не доводилось встречать девушки подобной красоты, — зашептал Рудольф, непростительно близко привлекая меня к себе.

Нет, если бы это сделал Кеннет, я бы совсем не возражала, но этот наглый хлыщ...

— Простите, милорд, вы преступаете грани приличия. Я прошу вас ослабить хватку. А то я чувствую себя кроликом в лапах гончей, — выпалила я, зло прищурившись.

Он удивленно замер, затем неприлично громко захохотал, откидывая голову назад. Теперь все в радиусе двух метров уставились на нас.

— Вы даже в гневе прекрасны, мисс, — сказал он, но все-таки увеличил расстояние между нами.

Я растянула губы в улыбке.

— Крейтон, уже целовал вас? — спросил он неожиданно, пожирая глазами мои губы. — Хотя, конечно, зная Крейтона, я в этом уверен. А вы знаете, что не все мужчины одинаково целуются?

— Да, неужели? И сколько же мужчин вы перецеловали?

Его щеки залились румянцем. А затем и вовсе его лицо стало испуганным. Я оглянулась и увидела Кеннета.

— Прости, Жогертон, — сказал он, увлекая меня в танце. Рудольфу ничего не оставалось делать, как уйти с танцевальной площадки.

— Не очень-то вежливо, — шутливо сказала я Кеннету. Сердце мое пело от близости с ним.

— Вежливость удел дураков, — отшутился он. — Что хотел старый Кроули? Вы так долго разговаривали?

— Старый болван. Пялился на мою грудь, и при этом пытался найти свежую пищу для сплетен.

— Надеюсь, ты поставила его на место, — скорее утвердительно, чем вопросительно сказал Кеннет. Да, он меня хорошо знает.

— Ну, не так, как хотелось бы... Полжизни отдала бы, чтобы иметь возможность отделать этого похотливого бора на глазах всего высшего света, — кровожадно прошептала я.

Кеннет засмеялся, но в теле его ощущалось напряжение.

— А что так рассмешило Жогертона? — осторожно спросил он.

— Ему понравилось, когда я назвала его гончей, — ответила я.

Кеннет довольно улыбнулся. Но затем глаза его сощурились, и он тихо сказал:

— Будь поосторожнее с Жогертоном. Он большой поклонник женщин. И не одну погубил.

— Надо же, а я думала, что ты один такой. Вот почему вы друг друга не любите. Конкуренция, — связвила я.

Кеннет сердито нахмурился.

— У меня нет ничего общего с Жогертоном. Разница в том, что я не соблазняю невинных молоденьких девушек.

— Но я ведь уже не невинна, — запротестовала я, вызвав тем самым бурю негодования.

— Кассандра, — предупреждающе зашипел он.

— Успокойся, Кеннет. Он не представляет для меня никакого интереса. А ты отвечаешь всем требованиям. Боюсь, мне придется признать твое мастерство и клясться тебе в вечной любви и верности, — шутливо прошептала я и невинно улыбнулась.

Кеннет нахмурился. К слову сказать, мои слова были недалеко от правды.

— Вот только того же я потребую и от тебя, дорогой, — осторожно, но решительно сказала я.

— Этого не потребует. Ты давно околдовала меня. Я ни о ком другом даже думать не могу. Моя стойкая идеальная репутация пошатнулась две недели назад, когда пришлось расчитать любовницу, — тихо зашептал он.

Мои щеки заалели, а сердце учащенно забилося. Может ещё есть надежда?

Глава 13

Сегодня мы посетили костюмированный бал, но из-за надоедливых матрон с Кеннетом мы виделись от силы пару минут. Остальное время либо его кто-то увлекал в разговор, либо меня. Почему-то совершенно посторонних людей интересовали все подробности предстоящей свадьбы. Я сдерживалась из последних сил. И так никогда терпением не отличалась, а сейчас во мне все буквально кипело от негодования. Чтобы не наговорить ничего лишнего, я, мило улыбаясь и, давала однозначные ответы.

Но, когда Кену удалось ненадолго задержаться возле меня, он шепнул: «Оставь сегодня окно открытым». Я так взволновалась, что не могла больше ни о чем думать. Сославшись на головную боль, попросила родителей уехать раньше.

Сейчас же я томилась в своей комнате, ожидая волнующее свидание. Наконец-то нам никто не будет мешать.

Я обвела взглядом спальню: все было тщательно убрано и разложено по своим местам. Я сумасшедшая. Здесь не положено принимать у себя в комнате джентльмена. Даже если этот джентльмен твой будущий муж. Тем более что все еще может расстроиться. Я устало вздохнула. Затем подошла к зеркалу ещё раз полюбовалась новеньким малиновым пеньюаром. Нежный шелк приятно льнул к телу, лаская и охлаждая.

— Разрешите вас соблазнить, мисс, — я замерла от хриплого шепота Кеннета, раздавшегося у меня над самым ухом. Но как он так тихо забрался в комнату? Ах, ну конечно, опыт-то имеется.

Нежные руки скользнули по моей талии, а наши взгляды встретились в зеркале. По телу разлилась привычная истома предвкушения....

* * *

Позже, когда мы лежали умиротворенные и довольные в объятиях друг друга, Кеннет вдруг спросил:

— У тебя удален волос с ног и..... В общем, ты поняла. Скажи мне правду Кэсси? Я знаю, что такие манипуляции делают только в гаремах....

К чему он клонит. Блин, как всегда очередные вопросы. Но не могу я ходить не бритая, хоть и понимаю, что здесь это вызывает недоумение.

— Я долго думал...Тебя похитили в Каире? Ты была в гареме? — продолжал он говорить. На щеках его заходили желваки, глаза полыхали яростным пламенем.

Я же едва удержалась, чтобы не прыснуть от смеха. Ну, надо же чего надумал. Хотя его можно понять.

— Расскажи мне, Кассандра. Тебе станет легче, — он повернулся ко мне всем корпусом и взял за руки. Теперь глаза его выражали сочувствие. Ну, разве могу я его сейчас обманывать.

— Еще чего? — фыркнула я. — Да я бы этого султана, или как его там... — при этом я недоговорила, а сделала рубящий жест рукой возле шеи. — Ты не о том подумал. Все гораздо сложнее.

Кеннет сначала немного расслабился, но после последней фразы напрягся ещё больше. Приготовился к чему-нибудь похуже.

— Кеннет, я знаю, это звучит невероятно, и ты мне не поверишь, но я из будущего. Из 2010 года, XXI ст.

Глаза его широко и недоверчиво расширились. Он не поверил ни единому моему слову. Но я и не ожидала, что он сразу поверит.

Я вскочила с кровати и бросилась к шкафу. Извлекла свой рюкзак, единственное, что меня связывало с будущим и, вернулась к постели. Я зажгла две свечи возле постели и высоко подняла яркий рюкзак.

— Ты когда-нибудь такое видел? — спросила я.

Он только покачал головой. Тогда я расстегнула рюкзак и высыпала его содержимое на постель рядом с Кеннетом.

— Что это? Что ты делаешь? — недоумевал он.

— Этот рюкзак был на мне, когда я попала сюда из будущего, — решительно начала я. — Вот смотри это вещи из 21 века.

Я протянула ему паспорт.

— Это паспорт. В моем мире каждый гражданин имеет такой. Видишь, здесь указываются личные данные: Имя, фамилия, дата рождения, — на дате я сделала определенный акцент: — 21 первое декабря 1989 года.

— Но как такое возможно? Я просто не в состоянии поверить в это? Ты меня обманываешь. Эту бумажку легко подделать, — отмахнулся Кеннет.

Но я не отчаивалась. Я взяла телефон и включила его. Экран засветился приветствием: Кассандра Сомервиль. Кеннет испугано подскочил.

— Успокойся, Кен. И выслушай меня. Просто послушай. Это телефон. В моем мире с помощью него люди могут слышать друг друга на очень большом расстоянии. Вот смотри, здесь есть ещё портреты.

Я открыла папку с фотографиями и села рядом с Кеннетом.

— Смотри, — повторила я. — Это я в университете. Видишь, как я одета, — на фото я была в короткой джинсовой юбке и красной университетской футболке с голограммой. — Там где я живу, все так одеваются. Вот, смотри, это мои подруги. Одеты также. Вот парни. А вот такие у нас здания: мой дом, университет. А это машина, — с фотографии я задорно улыбалась сидя за рулем новенького порша. — Машины.... это кареты с двигателем. Они сами двигаются.

Кеннет молчал пораженный, но с интересом рассматривал все, что я ему показывала. Отставив телефон в сторону, я взяла фотоаппарат и, придвинувшись к Кеннету, щелкнула нас вместе.

— Это фотоаппарат. Сразу же видно фото, — я повернула экран к Кеннету. Увидев на дисплее наши лица, он стал бледнее, чем был.

— Этого не может быть. Я тебе не верю. Как ты тогда сюда попала? — наконец заговорил Кен.

Я подробно рассказала о путешествии в Египет, начиная с учебы в университете и заканчивая, тем как встретила Эмильтонов.

— Так, что я не их дочь. И ты теперь имеешь полное право отказаться от женитьбы на мне, — горестно закончила я. — Если, ты все ещё не веришь мне — вот эта книга многое тебе объяснить.

Я вручила ему книгу профессора Таррела.

— Почитаешь дома. Только смотри, чтобы её никто не увидел, — устало протянула я.

Кеннет прочитал название «История Англии» и брови его скептически взметнулись вверх.

— Содержание этой книги я изучил ещё подростком, — насмешливо сказал он.

— То, что ты изучил, была история до 1800 года, а здесь приблизительно начиная с 1500 до 2010 года. Я устала Кеннет. Мне нужно побыть одной. Идти домой.

Он нехотя поднялся и стал одеваться, а я отвернулась, дабы не видеть его прекрасное тело.

— Я приду завтра, в полночь, — решительно сказал он, стоя уже возле окна.

— Сначала, прочти книгу. Я не буду с тобой разговаривать, пока ты не прочтешь, — упрямо ответила я.

Он недовольно выдохнул и вернулся за книгой. В следующую секунду его уже не было.

Из моих глаз брызнул слезы отчаяния. Что мне делать? Может быть, это последний раз, когда мы были вместе. Когда он поймет, что я не Эмильтон, нужды в свадьбе не будет. Но, тем не менее, я хочу, чтобы он знал правду.

Глава 14

Несмотря на короткий сон, проснулась я очень рано. Часы показывали семь часов утра. Посмотревшись в зеркало, ужаснулась — лицо, запухшее от слез, под глазами темные круги. Просто кошмар. В комнате не было чем заняться, поэтому я быстро оделась и спустилась в дышащий тишиной холл. Если бы мы были в поместье, я бы могла отправиться на верховую прогулку, но здесь нужно было выезжать в сопровождении.

— Мисс Эмильтон, — окликнул меня дворецкий, когда я уже хотела подняться назад к себе. — Вам пришло письмо из Каира.

Я радостно завизжала.

— Отлично, Генри. Я давно жду вестей из Африки, — настроение значительно улучшилось, и я вприпрыжку бросилась навстречу Генри, практически выхватила письмо из его рук. Он оторопел и долго не мог справиться с изумлением.

— Простите, Генри. Я вела себя как взбалмошный ребенок. Просто мне не терпится прочесть письмо, — в завершение извинений я мило улыбнулась.

Генри, похоже, остался довольным. Так как улыбнулся мне в ответ и кивнул.

Невероятных усилий мне стояло достойно подняться вверх по лестнице. Но как только я скрылась из поля видимости, шаг мой значительно ускорился. При этом я умудрялась на ходу распечатывать письмо. Так что, влетев в спальню, я сразу же забралась на кровати и принялась читать.

«Привет, Кассандра. Знаю, как мучительно долго для тебя было ожидания моего ответа. Но скоро ты привыкнешь к скорости почти в этом мире. Представляю твои мучения и терзания. Но дать тебе конкретный совет не в моей власти. Ты должна сама все решить. Слушай свое сердце....»

Ах, Эллис, почта и вправду слишком медлительна. Так как я уже приняла решение. Остается только узнать какое решение примет Кеннет.

* * *

— Элизабет, почему бы нам не уехать назад в поместье, — начала я за завтраком.

Элизабет удивленно посмотрела на меня, и отложила намазанный тост назад на тарелку. Чарльз же только задумчиво хмыкнул. Вот нравится мне он. Никогда не возражает и помалкивает. Не то, что Кеннет.

— Но, дорогая, мы же только неделю пробыли в Лондоне. Сезон в самом разгаре, — возражала маркиза.

— Но, зачем нам здесь находиться весь сезон. Мы можем вернуться позже. Да, и главная цель

сделана — я официально представлена высшему свету, о помолвке объявлено.

— Я даже не знаю...

— Пожалуйста, мама, — прошептала я, и испуганно остановилась.

Я уже давно хотела назвать Чарльза и Элизабет родителями. Ибо впервые за свою жизнь, я испытала к этой паре искрение дочеринные чувства. А в этот момент слова вырвались сами собой.

Глаза Элизабет наполнились слезами, и я почувствовала, насколько наша связь окрепла за то недолгое время, что мы вместе.

В этот момент Чарльз прокашлялся и негромко сказал:

— Я думаю, нам всем будет полезно побыть на свежем воздухе перед свадьбой, — глаза его выражали благодарность и любовь.

Спустя долгое время одиночества, я обрела счастье здесь в прошлом. И сейчас как ни странно меня не волновало, что я больше никогда не увижу современной одежды, техники и буду ждать по два месяца письма от единственной подруги. Я хотела здесь жить, и даже если Кеннет отвергнет меня, я остаюсь.

* * *

Скажете, я позорно сбежала от разговора с Кеннетом. Но нет, я просто хочу дать ему время подумать. Понять весь смысл сложившейся ситуации, решить для себя окончательно, что делать с нашими отношениями.

Шел четвертый день нашего пребывания в поместье. Здесь я чувствовала себя спокойно и умиротворенно. Теперь я с точностью могла назвать это место своим домом. И даже Гастингс больше меня не раздражал. Я всячески проявляла к нему снисхождение. И он стал закрывать глаза на мои выходки. Порой мне удавалось поймать его улыбку. Как все же люди меняются. В такие моменты мне всегда становилось жаль тетку Белинду. И хотя я понимала, что она несильно расстроилась моей пропажей, хотелось знать, что у нее все хорошо.

Я больше не курила и не таскала бренди в комнату. Все свободное время я старалась проводить с родителями. Я увлекла их игрой в города. Поначалу они были удивлены. Но потом это стало нашим любимым вечерним развлечением. Мы весело смеялись и шутили. Исключением являлось только, когда я машинально называла такие города как Детройт и Лос-Анджелес. Они, правда, согласно кивали, думая, что я жульничаю.

Я сидела в гостиной вместе с мамой, когда раздался шум в холе.

— Гастингс, пропустите. Сегодня вам меня не остановить, — раздражено звучал голос Кеннета.

Мое сердце учащенно забилось, ладони вспотели. Мама лишь задумчиво улыбнулась и прошла к дверям.

Кеннет ворвался в гостиную, едва не сбыв ее с ног.

— Простите, мадам. Мне нужно поговорить с Кэсси, — нетерпеливо проговорил он. Кеннет был так взволнован, что даже не поздоровался и назвал меня уменьшительным именем.

— Конечно, дорогой, — быстро согласилась мама, и вышла из комнаты.

Кеннет сразу же двинулся в мою сторону. В руках его была книга профессора Таррела.

— Кассандра, почему ты не сказала мне, что вы уезжаете? Я потерял уйму времени, пока мне удалось выяснить, куда ты подевалась. Я не мог даже предположить, что вы уедете домой в разгар сезона, — он бросил книгу на кофейный столик и увлек меня в крепкие объятия. Так делают любящие мужья после долгой разлуки.

Я попыталась отстраниться.

— Ты прочел книгу? — спросила я взволновано.

Он кивнул.

— Содержимое меня очень удивило. Признаюсь, я сел её читать только когда обнаружил твое исчезновение. События и даты истории Англии поразительно совпадают с действительностью. Очень интересно, однако было узнать и о том, что ожидает нас в будущем.

Он, наконец, выпустил меня из кольца своих рук и взял в руки книгу. Он по закладке открыл какую-то страницу и протянул мне.

— Смотри, — сказал он. Глаза его выражали нетерпение, и ещё какое-то теплое чувство светилось в них.

Я медленно опустила глаза к книге, и пораженно ахнула. Всю левую страницу книги занимал рисунок. На рисунке было изображено поместье девятнадцатого века. Это было родовое гнездо герцогов Крейтонов. Этот дом я уже очень хорошо знала.

— Твоя семья вошла в историю, Кеннет, — сказала я позже.

— Не это главное. Прочти текст на правой стороне книги. — Кеннет был явно горд, тем, что там обнаружил.

Я опять послушно вернулась к книге.

«Семейство Крейтонов занимало высокое положение в Парламенте и высшем обществе Англии 19 века. Шестой герцог Крейтон, Кеннет Майльз Уортингерн в возрасте тридцати двух лет возглавил Парламент. Вошла в историю и его супруга Кассандра Вильгельмина Уортингерн, родившая герцогу четырех сыновей и двух дочерей. Она организовала благотворительный фонд помощи низшим верстам населения и открыла двенадцать приютов по всей территории Англии».

Дочитав последнее предложение, я на подгибающих ногах опустилась на диван. Как такое может быть? Я уже в истории? Хотя после всего пережитого мной я уже не должна поражаться.

— Кэсси, очень приятно читать о себе столь приятные отзывы. Не правда ли? — весело пробормотал Кеннет, опускаясь рядом со мной на диван.

— Ты не обязан теперь на мне жениться. Разве ты не понял? Я не дочь Эмильтонов, — негодуяще ответила я.

Он убрал книгу снова на столик и взял мои руки в свои.

— Да, какая разница, Кассандра? Неужели ты думаешь, что женюсь на тебе только из-за этого договора? Да, поначалу так и было. Но потом... Кассандра, я люблю тебя. И мне нужна только ты, — голос его дрожал от напряжения.

А я? Я? У меня нет слов, чтобы выразить свои чувства. Все как будто оборвалось во мне и заново родилось. Но это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Кеннет, надеюсь, ты не следуешь слепо истории? — невозмутимо спросила, с последних сил скрывая свои эмоции.

— Неужели, ты такого низкого обо мне мнения, Кэсси. Я давно люблю тебя. Это случилось еще, когда ты приходила к нам в поместье на уроки этикета. Только понял я это недавно. Понял, что в жизни может быть такое чувство, когда вопреки всему сердце тает при одном взгляде на тебя, нежность заполняет всю душу. Когда хочется каждое мгновение, каждую секунду быть рядом. Лелеять, ласкать, оберегать. Когда понимаешь, как пуста и бесполезна жизнь была до этого. Я люблю тебя, милая, — нежно прошептал он.

В этот момент мое сердце дало брешь. Я больше не могла скрывать своих чувств. Слезы счастья струились с глаз, а я не в силах была вымолвить хоть слово.

— Кассандра? — взволновано спросил Кеннет. — Я тебя чем-то обидел?

Я отчаянно замотала головой и упала в его объятия, признавая свою покорность и преданность.

— Я ... люблю.... тебя, Кеннет, — прерывисто выдохнула я.

Стальные руки обхватили меня и с хриплым вздохом притянули ближе.

— Кэсси, — прошептал Кеннет, целуя меня в макушку.

Эпилог

Наша свадьба проходила в небольшой часовне Крейтон-Холла. Гостей было немного, только самые близкие родственники. Так захотели мы с Кеннетом.

— Поздравляю, дети, — на правах главной, первая поздравляла вдовствующая герцогиня. На глазах ее навернулись слезы. Я не удержалась и крепко расцеловала ее в обе щеки. Вызвав тем самым сначала пораженный взглас, а затем радостный смех.

— Жду правнуков. Вы уж постарайтесь, — высокомерно добавила она, отходя. Мы с Кеннетом довольно переглянулись. Уж за этим дело не устоит.

— Дорогие мои, — прошептала мама, обнимая нас. — Я так рада за вас. Счастья вам и взаимопонимания.

Чарльз пожал руку Кену и крепко обнял меня, шепча на ухо:

— Я каждый день не устану благодарить Господа за то, что он подарил мне такую дочь.

— И я, папа. И я, — прошептала я в ответ, часто моргая, чтобы прогнать непрошеные слезы.

Дальше празднование происходило в главной зале дома. Но мы с Кеннетом долго не задерживались и, как только это стало возможным, поднялись в свои покои.

Это была ночь полная любви и страсти, которая подарила нам первого сына, седьмого герцога Крейтона. Но это уже отдельная история....

mir-knigi.org